

Опасные
удовольствия

Светлана

Гончаренко

Частная
коллекция
ошибок

Сыщик Самоваров

Светлана Гончаренко

Частная коллекция ошибок

«Центрполиграф»

2013

Гончаренко С. Г.

Частная коллекция ошибок / С. Г. Гончаренко —
«Центрполиграф», 2013 — (Сыщик Самоваров)

Директор музея Ольга Тюменцева в панике: внезапно обнаружилось, что несколько картин, которые она так удачно сосватала местному банкиру и коллекционеру Галашину, – подделка. Галашин, как назло, похвастался своей коллекцией перед знаменитым экспертом Козловым, а его приезд ожидался со дня на день. Самоваров, бывший опер, а ныне музейный реставратор, утешать начальницу несбыточными надеждами не стал. С присущей ему прямоотой Николай заявил, что спасти положение может только невероятное стечение обстоятельств...

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	11
Глава 2	15
1	15
2	18
3	21
Глава 3	29
1	29
2	33
3	36
Глава 4	38
1	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Светлана Георгиевна Гончаренко

Частная коллекция ошибок

Глава 1

1

– Что мне делать? Я погибла!

Вера Герасимовна, несмотря на почтенные семьдесят два года, сохранила отменный слух. Она была готова поклясться, что слышала именно эти слова. Особенно она ручалась за последние два. То, что говорилось прежде, заглушалось не только тяжелой, как шкаф, дверью мастерской Самоварова, но и собственными мыслями Веры Герасимовны. Мысли были невеселые, их уgomонили лишь слова «Я погибла!», очень странные и грозные. Так звон будильника разгоняет утренний сон.

Некоторое время Вера Герасимовна переминалась у двери. Что теперь делать? Уйти? Постучать? Заглянуть? С одной стороны, не деликатно подслушивать чужую беседу, даже если дверь закрыта плохо и голоса невнятным ручейком просачиваются в коридор. С другой стороны, Вера Герасимовна шла к Самоварову со своей личной бедой, так что оказалась тут совершенно законно. А ко всему прочему, раз кто-то гибнет, может понадобиться помощь. Нет, уходить никак нельзя!

Осознав свою моральную правоту, Вера Герасимовна успокоилась. Она прильнула к левой, намертво прикрытой створке самоваровской двери и попробовала метнуть взгляд в узенькую щель. Сделать это надо было так, чтобы не обнаружить себя даже случайной тенью.

Увидеть не удалось ничего. Лишь ослепительный луч света, каким мастерская Самоварова обычно заливалась к вечеру, вонзился в зрачок. Из внутреннего уголка любопытного глаза больно брызнула слеза, и Вера Герасимовна прекратила визуальные наблюдения. Зато чуткое свое ухо (правое; это все-таки слышало лучше) она вплотную прижала к щели, так что аметист правой ее сережки заискрился в солнечном луче.

– А если взять и просто плюнуть? – спросил в глубине мастерской голос Самоварова. – Если вообще ничего не делать?

– Не получится. Это конец! – ответил другой голос, низкий, женский.

Послышалось несколько стонов, причем стонал не Самоваров. Затем глубоко и жалобно высморкались.

Вера Герасимовна не верила своим ушам. В мастерской рыдала и гибла Ольга Иннокентьевна Тюменцева, директор Нетского музея – того самого, где Вера Герасимовна служила в гардеробе, а Николай Самоваров был реставратором мебели и прочих предметов декоративно-прикладного искусства. В здании этого музея, толстостенном, по-казенному угрюмом и по-старинному уютном, и происходил сейчас странный разговор за дверью.

Впрочем, разговор совсем затих. До Веры Герасимовны доносились лишь Ольгины всхлипы да тихий скрежет какого-то самоваровского инструмента. «Коля как парень тактичный, уткнулся в работу, чтоб не смущать даму», – резонно заключила Вера Герасимовна.

Ничего ей теперь не оставалось, как самой догадаться, из-за чего разгорелся сыр-бор. Она задумалась. Директора чаще всего гибнут, если жестоко проворуются. Это Вера Герасимовна знала точно, поскольку жила давно и многое повидала. Однако Ольга Тюменцева славилась твердокаменной честностью в музейных делах. Значит, что-то личное, женское?

В голове Веры Герасимовны моментально возникло и разветвилось несколько подходящих сюжетов. Житейский опыт намертво сросся в них с мотивами дневных сериалов. Первым делом пришло на ум самое простое – Ольгу бросил муж, доктор геологии, известный знаток минералов. От этого человека можно ждать чего угодно: он суров, вечно погружен в себя и невероятно сдержан. Вера Герасимовна никогда не слышала звука его голоса. Правда, Ольгу минералог обожал – иначе какой муж позволил бы назвать сыновей Евстигнеем и Поликарпом? Однако известно, что молоденькие вертихвостки то и дело сбивают с панталыку стареющих мужчин. Могли сбить и минералога, и вот теперь несчастная Ольга...

Нет, вряд ли измена минералога стала для Ольги роковым концом чего бы то ни было. Уход мужа от нестарой эффектной женщины, опытного руководителя, кандидата искусствоведения – вещь поправимая. Может, Ольга сама влюбилась до смерти? Не в Самоварова ли? Вздор! Гибель-то тут при чем? Но вдруг любовник не Самоваров, а коварный стриптизер, нагло обирающий зрелых бизнес-леди?

Таких стриптизеров Вера Герасимовна часто видела в сериалах. Они умели в любых условиях молниеносно раздеваться до трусов и обольстительно расхаживать, раздувая лоснистые груди. Если Ольга потеряла голову... И что? Интересно, каким образом стриптизер ее обобрал? Вынес из квартиры мягкую мебель? И многотонную коллекцию мужниных колчеданов? Не годится! Правда, если Ольга забеременела, когда муж выезжал на Алтай копать в своих любимых горных породах... Или обнаружилась вдруг дочь, брошенная когда-то несовершеннолетней Ольгой и теперь в свою очередь забеременевшая... Или обе они забеременели от одного и того же стриптизера...

Версии Веры Герасимовны становились все чудовищнее. Неизвестно, как далеко зашла бы она в своих предположениях, если бы совсем рядом кто-то не кашлянул. Она обернулась.

– Что-то любопытное, да? – спросил Никита Леонидович Климентов, склонив голову набок и покачиваясь на высоких каблуках дизайнерских ботинок.

Руки он заложил в карманы долгополого редингота, тоже дизайнерского. Шея Никиты Леонидовича, слишком тонкая для мужчины его возраста и положения, скрывалась в складках пестрого шарфика. Впрочем, эта прозрачная золотисто-изумрудная тряпица должна называться как-то по-другому, более изысканно. Например, фуляр.

Вера Герасимовна всегда побаивалась таких вот странно одетых мужчин, которые смотрят на мир сквозь ярко-желтые или помидорно-красные стекла стильных очков. Эти люди казались ей непредсказуемыми, как инопланетяне. Поэтому она смутилась и ответила не сразу.

Никита Леонидович открыл рот, чтобы еще разок съязвить, но тут щель самоваровской двери расширилась. Хозяин мастерской выглянул в коридор.

– Что тут у вас стряслось? – поинтересовался он.

– Мне, Коля, с тобой поговорить надо, – торопливо начала Вера Герасимовна. – Конфиденциально. По серьезному вопросу.

– Через полчаса. Сейчас я очень занят, извините, – отрезал Самоваров.

Дверь он придерживал так, что ни Вера Герасимовна, ни Климентов не могли даже заглянуть в мастерскую, не то что влезть в нее.

– Но, Коля, это важно, – заупрямилась Вера Герасимовна.

Она уже поняла, что в мастерскую ее не пустят. Это значило, что оценить, насколько глубоко Ольгино горе, то есть насколько у директорши распухли глаза и нос, не выйдет. Тогда Вера Герасимовна уставилась на Самоварова. По выражению его желтого лица она попыталась угадать, беременна Ольга или, наоборот, брошена мужем. Но реставратор мебели был невозмутим, как игрок в покер. Он проводил глазами непрошенных гостей, пока те не скрылись в сумерках коридора, и плотно закрыл дверь.

– Вера Герасимовна и Климентов приходили, – сообщил он Ольге. – Непонятно, чего им надо.

– Они подслушивали, – догадалась Ольга. – И пусть! Я все равно погибла.

Она очень хотела внушить эту мысль своему собеседнику. Уже три раза она принималась плакать, но Самоваров никак не поддавался панике.

– Не делай из мухи слона! Ну, были у тебя грешки – кто об этом узнает? – говорил он. – Слава богу, нынешние коллекционеры свои сокровища напоказ не выставляют. Вспомни: пока жена Рыболовлева не подняла скандала при разводе, никто даже не подозревал, что он живопись собирает. Твой банкир тоже не кричит о своем добре на всех углах. И не показывает никому. Поди разбери, подлинный у него Коровин¹ или нет? Документы в порядке, и дело с концом.

– Не только Коровин. Еще Каменев²... – вздохнула Ольга.

Ее синие с поволокой глаза снова налились тяжелыми слезами. В молодости она очень напоминала красавиц купчих Кустодиева³. Зная это, она всегда одевалась в синие и лиловые шелка и выкладывала на плечо толстую золото-бронзовую косу. Теперь Ольге было за сорок, и сходство уходило – или просто Кустодиев не писал купчих подобного возраста. Нынешняя Ольга была уже не так бела и румяна. Коса ее превратилась в строгий узел на затылке, щеки чуть повисли, брови поредели, но синие шелка были пока в силе, а на плечах всегда красовалась роскошная шаль.

Чего-чего, а шалей Ольга накопила пропасть. Надевала она их под настроение и случай. Карминные павловские розы означали ликование (выигран грант, намечается премия), белая с серебром считалась новогодней, оренбургская паутинка годилась для деловых планерок. Сегодня полные Ольгины плечи покрывала шаль трагическая – сизая, как полночь; плыли по ней зловещие аспидно-черные разводы, и тяжело свисала траурная бахрома.

– Подумаешь, Коровин в коллекции какого-то провинциального банкира сомнительный. Вот невидаль! Я верю, картина скверная, но реветь из-за этого? – спокойно продолжил Самоваров. – Брось! Коровин был плодит, как кролик. Имел он право в бешеной текучке своей жизни написать пару-тройку плохих вещей? Неудачи бывают у всякого. А Каменев? Тот вообще пил горькую! Наверняка был в запое, когда писал твою картину. И написал-таки, и продал, каналья. То, что обе эти дряни попали в коллекцию Галашина, – чистое совпадение. А мировые шедевры давно в музеях висят.

– Нет, ты не понимаешь! – вскричала Ольга, заламывая белые крупитчатые руки. – Я вела эту коллекцию. Я обеспечивала экспертное сопровождение. Вещи для Галашина я ездила смотреть и подбирать в Москву! В Питер, в Прагу, в Вену! Каждый месяц как эксперт я от него получала... Да не важно сколько! Плюс комиссионные...

– И в чем проблема?

– А в том, что я купилась на все это! Я втянулась! Я перестала бояться, перестраховываться. Я стала жадной и неразборчивой. Я знала вкусы Галашина и всегда старалась подсунуть что-то лакомое.

– Фальшак?

– И ты туда же! О, я была уверена, что нет. Вернее, почти уверена... Это вещи с безупречным провенансом⁴. Да, из анонимных частных коллекций, но сами по себе бесспорные, поверь!

– Если бесспорные, к чему продавцам темнить? Кто эти анонимы? – спросил Самоваров.

---

¹ К о р о в и н К.А. (1861–1939) – русский живописец и сценограф. С 1923 года в эмиграции.

² К а м е н е в Л.Л. (1833–1886) – русский живописец, пейзажист. Любимый ученик и друг А.К. Саврасова.

³ К у с т о д и е в Б.М. (1878–1924) – русский живописец, график, сценограф. Автор красочных полотен из купеческого быта.

⁴ П р о в е н а н с – информация о происхождении и предыдущих владельцах произведения искусства. Приводится в аукционных каталогах. Выверенный провенанс подтверждает подлинность и значительно повышает цену вещи.

– В основном потомки эмигрантов первой волны. Люди в Европе, знаешь ли, не любят афишировать, что разорились, что дела идут хуже, и приходится все распродавать. Аристократы горды. Это так понятно! Плохо другое: то, что я делала, стоило дорого, очень дорого...

– И на здоровье! Галашин ни хрена не смыслит в живописи. Он рад своим картинкам, как дитя. Чего ты так переполошилась?

– Слишком много Коровиных, – мрачно изрекла Ольга. – Позавчера мне прислали один бельгийский каталог, и вдруг я увидела наше «Утро в Гурзуфе»... То есть не наше, а подлинное. Мне стало плохо. А на следующей странице «Дама с гитарой», точно такая же, как у Галашина. Один к одному!

– И что?

– Но Коровин никогда не делал копий!

– Так, может, это не у тебя фальшивки, а как раз в Бельгии?

– В коллекции князя Белосельского-Белозерского?

– Да, скверно, – согласился Самоваров. – Но... Представим самое страшное: каталог попадет к Галашину. И что? Бедняга будет смотреть в него как баран. Языков он не знает и не поймет ни черта. Лучше скажи, где ты раздобыла для него этих Коровиных?

– Я работала с одним московским дилером, очень надежным, очень авторитетным...

– Тогда мой совет: откажись от его услуг. Бельгийский каталог сегодня же сожги на помойке, и никто ничего не узнает. Ни-ког-да! Какие в нашей глуши знатоки?

Услышав эти бодрые слова, Ольга хлебнула воздуху полногубым ртом и вдруг зарыдала, скрестив руки на груди. Слез на этот раз не пролилось ни капли. Grimаса горя на розовом кустодиевском лице выглядела до того неестественно и страшно, что Самоваров опешил.

– Оля, да что с тобой? Я что-то не так сказал? – засуетился он. – Сейчас валерьянку найду, где-то в столе была. А пока вот водички попей, в чайнике осталась кипяченая.

Воду из чайника Ольга отвергла. Зато она протянула Самоварову что-то вроде открытки, и рука ее тряслась, как в ознобе.

– Что это за бумажка? – спросил Самоваров.

– Моя погибель, – торжественно ответила Ольга.

Ольгина погибель выглядела до смешного безобидно. Это было рассчитанное на две персоны приглашение на концерт Нетского камерного оркестра. Ничего пугающего не обещали – Бах, Перселл, Рамо, Вивальди. Концерт послезавтра. Солист Евгений Парвицкий.

– Парвицкий? Неужели тот самый? – удивился Самоваров.

– А ты не видишь?

Портрет скрипача в самом деле украшал приглашение. Фотография была великолепная, от знаменитого фотомастера, и, хотя музыкант на ней крепко зажмурился, а его рот далеко съехал в сторону, не узнать звезду с мировым именем было нельзя.

– Парвицкий тоже собирает Серебряный век, – еле слышно сообщила Ольга.

– Ну и пусть его! Ты так мрачно об этом говоришь, будто Парвицкий ест младенцев. Ты что, с ним знакома?

– Нет, зато этот осел Галашин знаком. Они недавно встретились в Москве на какой-то благотворительной тусовке, и Галашин стал расписывать свою коллекцию. У Парвицкого побежали слюнки. Он пообещал, если будет в Нетске, заехать и посмотреть. И вот послезавтра Парвицкий сюда прилетает. Галашин тоже на всех парах мчится домой из Питера. Специально! Похвастаться! Это конец.

Самоваров выдавил из себя улыбку:

– Не паникуй раньше времени! Сама говорила, что твои Коровины выглядят вполне прилично.

– И Каменев... – всхлипнула Ольга.

– Каменева вообще сюда не путай! Он до Серебряного века не дожил – значит, скрипачу дела до него нет. Остальное поправимо. Думаю, все будет так: Парвицкий заглянет к банкиру на четверть часа, покрутится, наговорит комплиментов и мигом умчится.

– С чего ты взял, что мигом? И умчится?

– Да у него в Нетске один-единственный концерт! Он мечется по миру, как конь. Вот смотри, тут, на приглашении, черным по белому написано, что он дает двести концертов в год. Что к нам он летит из Брно через Казань, а потом через Иркутск хватит напрямик в Осаку. В таком темпе детали разглядеть нереально.

– Ты забыл о каталоге! О коллекции князя Белосельского-Белозерского! Она сейчас выставлена на продажу в Бельгии.

Самоваров начал сердиться:

– До чего ты мнительная! Где Бельгия, а где мы. Неужели ты считаешь, что Парвицкий видел этот компромат? Как я понял, каталог выпустила не слишком заметная галерея, да и вещи у князя второго ряда.

– Зато у Парвицкого глаз-алмаз!

Тут Самоварову крыть было нечем. Он снова посмотрел на фотографию. Там скрипач сощурил оба глаза; алмазы ли это, судить было невозможно.

Ольга воспользовалась паузой и снова запричитала:

– Я погибла! Я опозорена! Парвицкий увидит фальшивого Коровина! Он скажет об этом Галашину! А самое страшное, он тащит с собой Козлова.

– Какого еще Козлова? Саксофониста?

– Если бы! Это другой Козлов, известный Виктор Дмитриевич. Старый-престарый искусствовед, бывший хранитель Третьяковки и самый главный специалист по Коровину. Он едет специально, чтобы увидеть коллекцию Галашина. Теперь ты видишь, что я погибла?

Самоваров присел рядом с Ольгой. Его утешительный задор иссяк: точно, дело пахло керосином. Он в последний раз попробовал убедить себя и Ольгу, что все не так страшно:

– Ты говоришь, искусствовед этот очень старый? Да может, его еще артрит скрутит! Или колика какая-нибудь, и он не решится лететь в такую даль.

– Уже решился! Галашин звонил полчаса назад. Обрадовал...

– Тогда я пас.

Ольга только что собиралась гибнуть безвозвратно, но тут вся вспыхнула от возмущения:

– Я не узнаю тебя, Коля! И ты можешь так спокойно мне это говорить? Ты? Ты был моей последней надеждой. Я была уверена, что ты придумаешь что-то необыкновенное – у тебя всегда получались такие штуки. Я знаю, ты способен на поступок. И вдруг такое равнодушие, такой пофигизм!

– Я очень тебе сочувствую.

– Не очень, а вяло! И вдобавок умываешь руки. Ты не предлагаешь никакой помощи, никакого выхода. Друзья так не поступают.

Самоваров вздохнул:

– Рассуди здраво, что тут можно сделать? Теоретически тебя спасет одно: стечение обстоятельств.

– Каких?

– Абсолютно невероятных. Например, скрипач вместе с экспертом вдруг возьмут и пролетят мимо Нетска. А что? Парвицкий рванет из Казани прямо в Иркутск и далее по своему безумному маршруту.

– Это возможно?

– Возможно, если метеоусловия будут ужасные – ветры, грозы, непроглядные туманы. В Нетске такого не предвидится и вообще никогда не бывает.

– Да, погода отличная, – согласилась Ольга, с ненавистью глядя в окно на ясный закат.

Клены, позолоченные солнцем и осенью, стояли смирно. Ни один листок на них не шевелился, так что вся картинка за самоваровским окном напоминала неподвижный фон на рабочем столе компьютера. Никаких признаков надвигающейся бури!

– И последний шанс: москвичи к нам все-таки прилетают, зато из дома Галашина исчезают сомнительные картины, – продолжил свои фантазии Самоваров.

– Исчезают? Каким образом? – оживилась Ольга.

– Обыкновенно. Они могут сгореть или утонуть. Их может облить кислотой или изрезать мясницким ножом какой-нибудь душевнобольной. Наконец, их могут украсть.

Пока Самоваров расписывал эти безобразия, Ольга сидела, зябко кутаясь в свою мученическую шаль. По ее лицу, как облака по беспокойному небу, бежали, сменяя друг друга, красные и бледные пятна. Вдруг она вскочила с дивана:

– Коля, помоги! Ты настоящий мужчина. Я знаю, ты способен на поступок!

– Про поступок я уже слышал, только не до такой степени я настоящий. Ты что, хочешь, чтобы я влез к Галашину в дом и стащил эти две картины?

– Не две, а три.

– Тем более. Я что, больной? Опомнись! Это пахнет серьезным тюремным сроком.

– Хорошо, не надо красть. Может, порезать их мясницким ножом?

2

Накануне дня, когда должно произойти что-то важное, некоторые теряют сон и не находят себе места. Другим нравится предвкушать.

– Завтра будет наш вечер, – сказала Варя и блаженно закрыла глаза. – Только бы дождь пошел, как мы хотели.

– Пойдет как миленький, – пообещал Артем. Он ткнул пальцем в золотые небеса, сиявшие за окном: – Видишь эти перья?

– Какие перья?

Артем усмехнулся чуть свысока. Наконец он хоть чем-то сразил эту девчонку!

– Перистые облака. Значит, близко непогода, – пояснил он. – Это клочья, которые оторвались от циклона. Видела фотки со спутников? На них циклон на воронку похож или на клубок...

– Ясно! Это еще в школе проходили, – перебила Варя и закрыла ему рот теплой ладошкой.

Она всегда все понимала с полуслова. Она все запоминала и все знала, так что Артем рядом с ней чувствовал себя неуклюжим тугодумом. Она легко выкручивалась из любых передряг. Она на ходу придумывала разные каверзы, вертела людьми как хотела, и никто не мог поверить, что милая девочка с трогательной французской косичкой заварила всю эту кашу. У нее такой ясный взгляд! К тому же ей всего девятнадцать лет.

Артем влюбился в нее моментально – наверное, потому, что она так захотела. Она умела делать и это. Артем считал, что все, кто видел ее хоть мельком, мечтают ее заполучить. Он не хотел ее упустить и в тот же день снял квартиру на Театральном бульваре. Через неделю Варя пришла к нему на эту квартиру. Просто попить чаю пришла, но с нею была большая сумка на колесиках. В сумке оказалась не только зубная щетка и ночная сорочка (сорочки как раз не было!), но и новое платье, четыре пары туфель на тоненьких каблучках, много кружевного белья, джинсы и даже осенняя шапочка.

Это означало, что Варя тоже полюбила. Они нашли друг друга. Артем знал: такая любовь бывает одна на миллион.

Квартирка им попала крошечная, но Варя была от нее в восторге – она выросла в спальном районе и никогда еще не жила в центре. Теперь она поселилась в знаменитом старинном доме, и здесь ей нравилось все: высокие окна, благородное эхо в подъезде, толстые перила и чугунные завитки парадной лестницы. Ее забавляла старая шершавая ванна, смешили полосатые обои. Ей не было здесь тесно, хотя единственная комната квартиры была больше вытянута в высоту, чем в длину или ширину, так что подоконник считался мебелью. На нем можно было сидеть и даже лежать вдвоем.

Варя не умела готовить, и на то, что кухня темновата, ей было плевать. Артему тоже. Стряпней они не занимались – они сходили с ума друг от друга. Хозяйских шкафов, стульев, этажерки они даже не замечали. Только вечно неубранную, вечно дразнящую смятыми душистыми простынями тахту Варя велела передвинуть к окну. Она любила смотреть на небо.

Сейчас на небо смотрели оба. Закат таял и линял, стекая к горизонту, но громадные облачные перья, которые обещали Артему дождь, еще сияли. Они были такими пестрыми, будто ребенок вкривь и вкось намалевал их цветными карандашами.

– Ты меня любишь? – спросил вдруг Артем тусклым голосом.

Этот особый его голос Варя хорошо знала. Он предвещал скорую любовную бурю, справиться с которой можно только вдвоем. Варя поморщилась: вечно Артем говорит глупости и невпопад. Но делает он все правильно! Она любила, чтобы ее любили. Без памяти любили, безумно. Часто. Много. Артем такой и был – неутомимый.

В этой квартирке они встречались каждый вечер, часов в шесть. Позже, к ночи, Варя оставалась одна, а Артем уходил. Куда он уходил, она не знала. Такой он был простодушный парень, весь на ладони, а тут молчал и только хмурился. Да Варя и не лезла с расспросами. Она догадывалась, что за его упорным молчанием скрывается что-то самое обычное, может, даже неприятное: состоятельная жена, с которой невыгодно разводиться, вздорные богатые родители или работа, которую не вполне одобряет закон. Что-то такое, что надоело Артему до смерти, о чем говорить неловко, но от чего сладко отдохнуть в этой маленькой квартирке.

Пусть! Варя все равно, ей и так хорошо. Она живет в центре. У нее молодой друг. Он красивый и с деньгами. Он бог в постели. Он от нее без ума. У него железные мышцы, а на бедре, там, где рядом бьется большая жила (Варя знала, что если ее перерезать, человек умирает за две минуты), красивая татуировка – черный дракончик.

Артем откинулся на влажную подушку. Глаза у него слабо и бессмысленно прикрылись, как у потерявшего сознание (он, негодяй, засыпал сразу же после секса!). Варя собралась надуться, но вдруг услышала, как что-то стукнулось о стекло. Грубо стукнулось, извне.

Она повернулась к окну и расхохоталась как сумасшедшая: за стеклом покачивалась на канатах замызганная деревянная люлька. Из люльки прямо на Варю пялились два маляра в грязных робах и шапочках. В руках маляры держали какие-то шланги и трубки – то, что заменяет теперь традиционные кисти и валики. Лица у тружеников были совершенно ошалелые и отливали нечистой зеленью. Варя тут же сообразила, что это не зелень, а табачный цвет, каким дом выкрашен снаружи. Кажется, сейчас идет какой-то ремонт?

Варя весело толкнула Артема:

– Смотри, у нас гости!

Артем дрогнул веками и губами, но не проснулся. Тогда Варя вскочила на подоконник и приняла перед незваными зрителями самую неприличную и соблазнительную позу, на какую была способна. Поскольку Варя была совершенно голая, лица маляров окончательно позеленели, а глаза вылезли из орбит. Люльку качнуло так опасно, что она едва не расшибла вдребезги оконное стекло. В ответ Варя показала язык и сделала рожки.

Это странным образом вывело маляров из ступора. Они зашевелились, замахали шлангами, закричали что-то, и люлька стала криво, рывками, спускаться вниз, увозя бедолаг. Довольная Варя прыгнула с подоконника на тахту и принялась тормошить Артема.

– Ты прозевал самое интересное! Они это будут помнить всю жизнь! – кричала она, давась от смеха. – Чуть с ума не сошли, идиоты!

– Кто? – промямлил Артем.

Он еле ворочал непослушным языком, но глаза уже открыл. В блаженный любовный сон он проваливался быстро, но дремал всегда недолго, минут пять.

– Тут только что были маляры, которые красят стены, – сообщила Варя.

– Какие маляры? Где? – удивился Артем и посмотрел по сторонам.

Варя кивнула на совершенно пустынное, расписанное облаками небо за окном. Артем ничего не понял, но на всякий случай прикрылся простыней. Вопросов он задавать не стал – выглядеть в Вариных глазах тупицей не хотелось.

– Маляры в своем деревянном ящике спускались сверху, – терпеливо пояснила Варя. – На тросах. С седьмого этажа, я думаю. Их чуть кондрашка нехватила, когда они нас с тобой застукали!

Артем подумал, что для кондрашки хватило бы и одной Вари. Он сам иногда терял дар речи, когда она была рядом. Даже одетая. А уж когда совсем нагишом... Она тонкая и гибкая, как ласка. Крашеная медовая блондинка, отчего ее карие глаза так и горят на маленьком личике. Все лето она пропадала на пляже, и было теперь что-то невыразимо бесстыдное и

сладко раздражающее в ее смуглом теле с молочно-белой грудью и белоснежными ягодицами. Довести маляра до инфаркта ей ничего не стоит. Только чему она радуется? Зачем ей маляры?

– Ты ужасно дремучий, – сказала она в сотый, наверное, раз за время их знакомства. – Ничегошеньки не знаешь. Есть такая примета: встретить трубочиста – к удаче. Значит, все у нас получится!

– Трубочист? Еще и трубочист с крыши слез? Вместе с малярами?

– О-о-о! – простонала Варя. – Молчи уж лучше! Пойми, дурашка: маляры – это почти то же самое, что трубочисты. Они такие же чумазы. По-моему, еще хлеще! И вот ни с того ни с сего они нам сегодня встретились. Упали прямо с неба. Это хороший знак!

– Ты думаешь?

– Уверена. Разве то, что они именно сверху слезли, да еще на веревках, тебе не кажется удивительным? Это предзнаменование. Все, все в рифму!

Артем послушно кивал, но было видно, что он ничего не понял. Варя только рукой махнула. Она взяла свою сумочку, достала оттуда два авиабилета в пестрых конвертах и принялась их разглядывать.

– Подумать только, послезавтра мы уже в Москве! – счастливо вздохнула она. – Там со всеми делами управимся быстро, у меня есть пара надежных адресов. И вообще в Москве ничего не стоит затеряться. Но все равно тянуть не надо: как только получим деньги, сразу за границу. В этой стране жить нельзя! Купим дом в Болгарии...

– Может, лучше в Испании? – подал голос Артем.

– Лучше, но на Испанию может не хватить. А Болгария нам вполне по зубам. Я уже смотрела в Интернете – есть чудные белые домики, а рядом, в двух шагах, море. Синее-синее! Невероятно синее!

– Это фотошоп, реклама, – скептически заметил Артем. – На самом деле море зеленым отдает. Я был в прошлом году в Барселоне и сам видел.

Варя улыбнулась ему через голое плечо:

– Темнота! В Барселоне море Средиземное, и оно в самом деле зеленое. А в Болгарии другое море – Черное. Это синее-синее. Не голубое какое-нибудь, а самой невозможной синевы. Другого такого в мире нет! Меня маленькой возили в Геленджик, и я хорошо помню. Мне нужно именно синее море. И недвижимость там недорогая.

– В Испании все равно круче, – стоял на своем Артем.

– Ну и что? В Болгарии тебя хоть с горем пополам, да поймут. А в Испании? Ты ведь никаких языков не знаешь.

Это была правда, и Артем устыдился. А Варя, наверное, и в языках сильна.

– Ладно, не думай, я не против Болгарии. Это я так, к слову... Я сам отсюда давно свалить хочу, – сказал Артем. – Теперь уж точно свалю, но только вместе с тобой. Вместе хоть на Колыму!

– На Колыму не поеду – только к морю.

Варя сидела на подоконнике, скрестив ноги.

Ее узкий силуэт был совсем темным, только увядший закат слегка подсвечивал сзади ее медовые волосы. Они окружали Варину голову тихим золотым огнем. Карие глаза казались черными и сказочно большими.

– Черт, ты нереально красивая, – сказал Артем, и голос его снова стал глухим, еле слышим. – Не думал никогда, что влюблюсь, как дурак. Иди ко мне, котенок...

Варя смотрела на него сверху вниз и думала, что сейчас, в эту вот минуту, у ее ног лежит весь мир. Только бы дождаться завтрашнего дня! Она придумала такую хитрую штуку, какой еще не бывало. У Артема все получится. Он сделает все, что угодно, ради того, чтобы она оставалась с ним. Да просто ради того, чтобы теперь с подоконника она спустилась к нему на тахту! У него собачий взгляд, упорный и преданный. Но это взгляд сильной и опасной собаки.

Хорошо, что Артем такой – им обоим теперь нужна сила. И мертвая хватка. Тогда все будет хорошо.

– Ты любишь меня? – снова задал Артем свой глупый вопрос.

Почему-то Варя ему никогда не отвечала – врала всегда легко, а тут помалкивала. Может, ей не нравились сами слова «я тебя люблю»? Да и зачем Артему ее признания? Она восхищается им, она им гордится, она его хочет, она взяла его в свою жизнь – разве этого мало? Разве это не любовь? Или чего-то все-таки не хватает? Того, чтобы броситься сейчас к нему, теряя голову, а не сидеть спокойно на подоконнике. Сидеть, при этом любясь собой, даже себя не видя (она и это отлично умела).

Несколько минут они молчали. Закат гас стремительно, стало почти темно.

– Ты все свои снасти проверил? – спросила Варя неожиданно строгим голосом. – Там куча всего, запутаться можно. Сходи еще раз пересмотри.

– Котенок, о чем ты? – занял Артем. – Думаешь, я полный болван? И даже в своем деле не разберусь без твоих подсказок? Я кандидат в мастера, я что-то да значу. Перестань дурить, иди сюда! Я тебя безумно хочу!

Конечно, хочет. Ему скоро уходить, а завтра все будет по-другому: стусится темнота, пойдет дождь, и начнется главная ночь их жизни. Но до этого так далеко! Еще сегодняшнюю длинную ночь убить надо. И завтрашнее утро, и день, и вечер. Это целая жизнь.

Глава 2

1

Нетский аэропорт был построен давно, в те баснословные времена, когда ничто не предвещало перемен. Тогда беззаботные люди до седых волос распевали песенки из мультфильмов, возводили циклопические здания из серого бетона, а летом ездили дикарем в Сочи.

Говорят, самолетами летали тогда все, кому не лень. Громадные залы аэропорта днем и ночью кишели беспокойным народом. Гнусавый голос дикторши не замолкал ни на минуту. Визжали дети, в буфетах торговали бледными бутербродами и газировкой «Буратино». Суета, коварное эхо, дробившее и рассыпавшее звуки по углам (особенно зычно вопили опоздавшие, которых не пускали в накопитель), пестрые толпы не давали разглядеть архитектуру внушительного здания.

Теперь жители Нетска в основном посиживали дома. Если и пускались они в путь, то чаще по железной дороге. Авиарейсов за день принималось всего три, не считая редких чартеров. Пустынные залы аэропорта легко просматривались из конца в конец во всей своей зевотной красе. Осенний свет тихо лился в громадные окна, чтобы вольготно, пыльными коврами, по которым никто не ступает, разлечься на бетонном полу. Буфет был закрыт на вечный собственный обед. Фигурка уборщицы, скребущей стенку в дальнем углу, казалась неестественно крошечной, какого-то мышинового роста. Под самым потолком возились невидимые голуби. Ворковали они нагло, утробно и громко, будто в микрофон.

Вся эта сонная пустота понемногу оживилась к десяти утра, к прилету московского рейса. Это было главное событие дня. К тому же сегодня ожидали каких-то важных гостей, потому уборку зала произвели с особым тщанием и открыли ВИП-салон. В этом салоне в глубоких креслах засели солидные люди. Они держали в руках дорогие, на метровых стеблях, розы. Мелькали и исчезали то телерепортер, то оператор с увесистой камерой. Серебристый лимузин, длинный, как барак, припарковался чуть ли не вплотную к дверям аэропорта.

Когда пассажиры московского рейса жидким ручейком потянулись с летного поля, букетная компания снялась с кресел. Увидев издали нужные лица, она стала салютовать розами и так заметно улыбаться, что все прилетевшие ощутили важность момента. Многие стали замедлять шаг и позировать перед телеоператором, хотя тот невозмутимо снимал самолеты, рядом стоящие вдали.

Наконец показались почетные гости. Их было трое. Больше других бросалась в глаза крупная дама в бордовом. Правда, ее усталое рыбье лицо было не так интересно, как затейливые пуговицы ее пальто. Зато коренастый мужчина с черным футляром в руках улыбался лучезарно. Быстрой летящей походкой, чуть склонив голову, он двигался к встречающим.

Эту знаменитую походку, этот наклон головы знал весь мир. Евгений Парвицкий! То, что человек этот особенный, было видно даже издали. Его глаза неподдельно блестели. Его радостная энергия всеми воспринималась даже физически и всякий раз счастливо меняла атмосферу вокруг гения – так водопроводная вода, когда делается газированной, меняет вкус.

Со своей скрипкой Страдивари великий музыкант не расставался никогда. Она и теперь была в его руках, в дорогом старинном футляре. Парвицкий не доверял свое сокровище ни охранникам, ни банковским сейфам. Отдать кому-нибудь Страдивари он мог только вместе с жизнью.

Директор Нетского музея Ольга Тюменцева входила в число встречающих. Она нервно сжимала в руках пучок роз, из которого элегантно торчала одинокая стрелиция. Этот цветок напоминал воинственно развернутый всеми своими лезвиями складной швейцарский нож.

Букет предназначался третьему московскому гостю. При взгляде на него у Ольги подкосились ноги. На всякий случай она слегка прислонилась к Игорю Захарову, пресс-секретарю банкира Галашина.

Игорь, цветущий молодой человек, бело-розовый, как пирожное, наверняка не знал никаких душевных мук. Он искренне рвался навстречу Парвицкому и пропустил вперед лишь представителя областной администрации. Дамы из филармонии и активисты музыкальной общественности напрасно пытались разглядеть скрипача хотя бы из-под локтя Игоря – пресс-секретарь был высок ростом и широк в плечах и талии. Его торс прочно перекрыл силуэт знаменитости.

– Дорогой Евгений Ильич, добро пожаловать на нетскую землю! Спешу вам напомнить об обеде у Сергея Аркадьевича, – сказал Игорь музыканту. – По времени это скорее ланч. Но какой может быть ланч у поклонников русской и французской кухни, не так ли? Сергей Аркадьевич хотел угостить вас дома, но вчерашнее несчастье...

– Да, да, конечно! Мы созванивались. Такая беда, такая беда...

Парвицкий искренне горевал, но левой рукой (в правой был Страдивари) не переставал принимать букеты. Цветы он ловко, ввиду большой практики, группировал в охапки и передавал даме в бордовом.

Ольга решила, что дальше стоять столбом неприлично. Она протянула свой букет третьему московскому гостю:

– Я давно мечтала познакомиться с вами, Виктор Дмитриевич! Я Ольга Тюменцева из местного музея и помогаю господину Галашину с коллекцией.

– Мило, мило, – похвалил Виктор Дмитриевич стрелицию и оглядел Ольгу с ног до головы. – Мило, мило. Мне, кажется, знакомо ваше лицо?

– Три года назад я выступала на конференции в Перми...

– Да, да, да!

Светский разговор бойко поскакал с кочки на кочку пустяковых тем. Но чем дольше вглядывалась Ольга в старика Козлова и вслушивалась в его речи, тем сильнее сжималось ее сердце. Кончилось тем, что она едва дышала.

Виктор Дмитриевич был, конечно, невероятно стар. Об этом говорила глубина его морщин, россыпь бледно-коричневых пятен на лице и руках, ветхая ноздреватая кожа и белизна растрепанных волос, такая абсолютная, что казалась искусственной. Небольшие глаза Виктора Дмитриевича были красны и тусклы. На кончике его рыхлого носа сидели очки без оправы. Старичок как старичок – про таких говорят «песок из него сыплется».

Но иногда Виктор Дмитриевич ни с того ни с сего вдруг быстро сморщивал нос. Тогда его очки подпрыгивали вверх, и огромные, со сливу, глазищи с большими радужными зрачками сквозь стекла вдруг впивались в вас, всевидящие и грозные. В одну из таких минут Ольга даже решила, что Козлов считывает с ее лица таинственные, невидимые миру письмена, которые складываются в позорную фразу «Она продавала фальшак». Это было невероятно, но отделаться от почти мистического ужаса перед московским гостем Ольга не могла.

К тому же Козлов был неестественно подвижен для своих лет. Легкостью походки он не уступал Парвицкому, память демонстрировал обширную и свежую, ум острый, а на пышную Ольгину грудь взирал с таким живым мужским интересом, что бедняга поминутно краснела. «Какой-то Кощей Бессмертный, а не эксперт по Коровину, – в панике думала она. – С таким не сладишь, такого не обманешь».

– У Сергея Аркадьевича сейчас в доме милиция, все вверх дном, – поясняла Ольга эксперту, на ходу драпируя грудь голубой шалью. – Но господин Галашин так ждал господина Парвицкого и вас, так ждал! Специально прилетел из Питера. К счастью, удалось договориться со следователем, и вы сможете осмотреть коллекцию.

Ольге, конечно, хотелось, чтобы следователи заартачились и не пустили ужасного Козлова даже на порог. Но надеяться на такое счастье – полная наглость. Некоторые ее желания и без того сбылись самым фантастическим образом...

– Итак, встретимся у Галашина. После обеда мы сразу туда, – пообещал Виктор Дмитриевич. – Я буду очень, очень рад лицезреть вас вновь.

Последние слова Козлов адресовал Ольгиной груди, которую он снова осмотрел и поверх очков, и сквозь толстые стекла.

Скрипач, дама в бордовом и эксперт Козлов погрузились в лимузин. Туда им подали гору букетов. За букетами последовали Игорь Захаров и двое неизвестных рослых мужчин с отсутствующими лицами (должно быть, охрана).

– Он гений, гений, – прошептала рядом с Ольгой какая-то филармоническая старушка с заплаканными глазами.

Ольга не сразу поняла, какой гений имеется в виду. Коровин? Или Фаберже, которого украли? Ах да, ведь Парвицкий великий скрипач... И за это его можно любить до слез?

«Я алчная, черствая, трусливая, – отчитала себя Ольга. – Мне теперь наплевать на музыку и на нормальные человеческие ценности. Коготок увяз – всей птичке пропасть».

2

Обед должен был получиться полутраурным, но приносили такие вкусности, что улыбки невольно выползли у всех на лица. К горячему даже пошли осторожные смешки.

– Интерьер уютный, – заметил Виктор Дмитриевич, оглядывая ресторанный сумрак и мягкие портьеры.

Аппетит у эксперта, как и ум, оказался удивительно молодым. Козлов сначала налег на семгу, а потом раньше всех очистил полуметровое в диаметре блюдо с олениной по-сибирски.

Совладелец ресторана «Адмирал» Сергей Аркадьевич Галашин скромно улыбнулся комплименту. Это был высокий лысоватый человек с грустными глазами. Неясно было, какого они цвета; так часто бывает у некрасивых мужчин. По поводу беды, случившейся с ним, Сергей Аркадьевич грустил, не более; не выказывал он ни отчаяния, ни паники. Люди такого полета не впадают в истерику даже из-за внушительных убытков.

– Представляю, что вам пришлось пережить, – сказала ему Наташа Бергер, грузная дама в бордовом. – Пожар, да еще и кража вдобавок.

Она щедро отхлебнула вина, а скрипач Парвицкий вздохнул:

– Ты права, Наташа, это истинная трагедия. Мне трудно даже вообразить себя на месте Сергея Аркадьевича.

И он потрогал чуткими пальцами футляр со Страдивари, который стоял рядом с ним тут же, у стены.

– Насколько я понял, у вас в доме был взрыв? – сказал Козлов. – Чудо, что вы остались живы.

Мужественный банкир только усмехнулся:

– Ерунда! Я в это время как раз ехал домой из аэропорта. А вот моя дочь вполне могла пострадать. Жена моя сейчас в Карловых Варах, дома были только дочка и прислуга. Надо сказать, мои люди сделали все, чтобы спасти ребенка. Расскажи, Игорь!

Пресс-секретарь прямо с олениной за щекой приступил к своим обязанностям:

– Это было ужасно! Я живу недалеко и тут же прибежал на место – мне позвонила горничная. Она была в панике. На первом этаже начался пожар, охранники вызвали спасателей и принялись тушить огонь сами. К тому же водопровод прорвало. Это был сущий ад. Гувернантка, вся мокрая, спешно одела маленькую Анджелину и буквально на руках вынесла из дома. Я отвез обеих в загородный дом. Вот почему я не застал пожарных, которые учинили форменный погром.

– На это они мастера, – согласился Парвицкий. – Но когда похитили вещи из коллекции?

– Черт его знает, – задумчиво процедил Галашин. – Я подъехал, когда и пожарные, и милиция еще были в доме. Целые толпы! Все было залито водой, пол-этажа выгорело, в картинной галерее выбито окно. И вещи пропали. Не все, конечно – крали с разбором.

– Думаете, орудовал профессионал? – спросил, жуя, Козлов.

– Не сомневаюсь. Взяли самое ценное! А главное, следователь считает, что причиной всего кошмара был взрыв дистанционного устройства. Или даже двух. Нашли какие-то огрызки у стены в гостиной.

– Как? Неужто и взрыв, и пожар устроили, чтобы пробраться к коллекции? – ужаснулся Парвицкий.

– Наверное. Когда все запылало, сигнализацию отключили – она была на всю округу. Прислуга металась как угорелая. Спасали мою дочь, пытались тушить огонь. По-моему, в это время вор и влез в окно. Он спокойно взял что хотел, но, к счастью, кое-что уцелело. У меня еще есть что вам показать, Евгений Ильич.

– Буду счастлив! – оживился скрипач. – Хочется ободрить вас в трудную минуту. Надеюсь, вы будете на моем концерте?

Галашин грустно улыбнулся:

– Буду. Искусство одно способно утешить, в особенности ваше искусство. Я ваш большой поклонник.

Он сказал это тепло и проникновенно. Никто, кроме пресс-секретаря Захарова (который все знал, но молчал), не мог в ту минуту заподозрить, что Сергей Аркадьевич Галашин терпеть не может академической музыки, считает ее страшным занудством и предпочитает женские поп-группы, одетые по минимуму.

Подали нежный сыр, белое и розовое вино. Оживление само собой угасло, беседа стала тихой и неспешной. Наташа, дама в бордовом платье, принялась откровенно клевать носом.

– Женьке надо еще на репетицию успеть, – бесцеремонно шепнул старик Козлов на ухо банкиру. – Если сперва к вам домой заедем, то пора бы и сладкое нести.

– Да-да, сегодня у нас десерт «Пич Мелба», – спохватился Галашин.

Он чуть заметно повел своими грустными глазами. В ответ официант, стоявший достаточно далеко и, стало быть, обладавший орлиным зрением, бесшумно сорвался с места. Принесли «Мелбу» в бокалах на толстой ножке.

Парвицкий запил мороженое коньяком и ударился в воспоминания:

– Я-то за живопись взялся, еще когда учился в консерватории. Вы, Сергей Аркадьевич, коллекционер начинающий, а я давно этой страстью ушиблен. Денег тогда у меня почти не было, зато еще водились в Москве этикие трогательные старички и смешные старушки – из бывших, как тогда говорили. Помню до сих пор одни облезлые стены на Зацепе, сплошь увешанные картинами и картинками. Все это считалось тогда упадочным и стоило недорого. Теперь это была бы золотая стена. Верно, Витя?

Витя, то есть старик Козлов, согласно кивнул лохматой головой. Он давно покончил с «Мелбой», выпил и коньяк, и кофе.

– Я всегда нравился таким старушкам, – меланхолически сообщил Парвицкий; кажется, он чуточку захмелел. – Одна дама даже завещала мне свое собрание.

– Ты имеешь в виду Денисову? – спросил Козлов, снова жуя сыр.

– Ну да. Ее муж был барабанный советский плакатист, очень востребованный и непомерно – даже по тем временам! – оплачиваемый. Вы, конечно, помните его плакат «Пятилетка – наша юность», который повсюду торчал. Такой синий с красным? Помните? Ну же?

Банкир сделал вид, что напряг память.

– Уж я-то, Женя, помню точно, – кивнул Козлов. – И покойную Марию Трофимовну помню. Большая была меломанка.

Парвицкий продолжил:

– Так вот, твердокаменный конъюнктурщик Денисов рекламировал пятилетки, а сам, не будь дурак, собирал картины начала века. Прошлого века, разумеется. Особенно много скопилось у него Союза русских художников⁵. «Голубую розу»⁶ тоже жаловал. Его вдова полюбила меня как сына.

– Да уж, наделала эта история шуму, – добавил Козлов. – Слухи поползли. Говорили, что вы обвенчались.

Парвицкий протестующе звякнул ложечкой о блюдец:

---

⁵ Союз русских художников – художественное объединение (1903–1923). Его видные члены К.А. Коровин, А.Е. Архипов, С.В. Иванов, С.В. Малютин, К.Ф. Ион добивались широкой и яркой живописности, много работали на пленэре. Их привлекали мотивы родной природы и русской жизни.

⁶ «Голубая роза» – художественное объединение (1907). У его членов (наиболее известны Н.П. Крымов, И.В. Сапунов, П.В. Кузнецов, С.Ю. Судейкин, М.С. Сарьян) поэтика символизма сочеталась с живописными новациями.

– Вздор! Ты сам знаешь, что это чистейший вздор! Нас связывала только нежность. Детей у Денисовых не было, тогдашних коллекционеров-зубров вдова побаивалась, музейщиков не любила – вот все мне и оставила. Я сам не ожидал. Более того, я был обескуражен! Однако после этого дара моя коллекция стала заметной. Я смог уже и менять кое-что, и подкупать, да и вкус мой определился. А вскоре я встретил Виктора Дмитриевича.

Виктор Дмитриевич снова кивнул. Сыру он съел больше всех. Наташа совсем ословела, а Парвицкий все попивал и попивал коньяк. Он не пьянел, только делался живее и красивее.

– Витя – это сокровище! – вскричал он, и Виктор Дмитриевич возражать не стал. – Витя уникален. Ему достаточно беглого взгляда, чтобы распознать стоящую вещь. Сколько безнадежного из запасников он высмотрел, атрибутировал⁷ и ввел в оборот!

Банкир Галашин невольно уставился на заурядное лицо Козлова. Это лицо выражало тихое созерцательное спокойствие, какое бывает после сытного обеда. Похвалы не смутили Виктора Дмитриевича. Видно, старик привык к дифирамбам в свою честь.

– Все хитроумные лабораторные экспертизы, рентген, спектральный анализ – муть в сравнении с Витиной интуицией, – запальчиво объявил Парвицкий. Тут же он поправился: – Не муть, конечно, но не было случая, чтобы все это не подтвердило Витино вердикта. Пижоны, которые сидят в «Сотби»⁸, особенно в русском отделе, младенцы рядом с ним. Сельская самодеятельность!

– Я спать пойду, – сказала вдруг Наташа, зевнув. – Просто падаю со стула. Всего хорошего, господа!

Она поднялась и пошла к выходу нетвердой походкой, хватаясь за встречные стулья и столики. Стало видно, что у нее очень широкие бедра.

– Счастливо, детка! – крикнул ей вслед Парвицкий и продолжил уже вполголоса: – Бедняга Наташка. Она лучший аккомпаниатор, какого я только могу вообразить, но ее совсем dokonала смена часовых поясов. Спит на ходу! Сегодня я репетирую и играю с оркестром, так что пусть дрыхнет до вечера. Вообще-то она существует по нью-йоркскому времени – живет на Брайтоне. Там сейчас ночь. Природу трудно обмануть. Но возможно!

Он перевел взгляд на Галашина, который все еще разглядывал морщины эксперта Козлова. Больше нахваливать друга скрипач не стал, и Козлов почувал, что трапеза подходит к концу. Он бодро предложил:

– По коньячку? За приятную встречу в обстоятельствах не вполне приятных. Надеюсь, ваши вещи, Сергей Аркадьевич, скоро к вам вернуться.

Банкир благодарно улыбнулся, но его глаза остались грустными.

---

⁷ А т р и б у ц и я – определение авторства произведения искусства, времени его создания, а также художественной и исторической ценности.

⁸ «С о т б и» («Сотбис», Sotheby's) – один из старейших и крупнейших аукционных домов мира. Основан в Лондоне в 1744 году. Так называемые «Русские торги» проходят в «Сотби» с 1984 года. Последние годы русское направление «Сотби» курирует лорд Марк Полтимор.

3

Ольге Тюменцевой, директору музея, и следователю Юршевой сразу удалось поладить. Это важно, если женщинам предстоит работать вместе.

Когда нынче утром Ольга и Вероника познакомились, они пристально посмотрели друг на друга и остались довольны. Они поняли, что обе далеко, хотя и в разных направлениях, уклонились от общепринятого идеала настоящей женщины. Это значило, что обе не были красавицами на полном значении этого слова, обе равнодушно относились к моде, кулинарии и способам уловления в свои сети солидных мужчин. Также обе не проявляли никакого интереса к личной жизни звезд шоу-бизнеса и к дотошной холе собственной телесной оболочки.

Ольга была постарше. Она одевалась броско, но странно и была помешана на русском авангарде. Веронике Юршевой было всего двадцать восемь лет. Она делала успешную карьеру в Следственном комитете, причем брала умом, расторопностью и редким чутьем.

Назвать Веронику дурнушкой было нельзя. Но что-то в ее строгой фигуре, в ее темных волосах, гладко зачесанных на косой пробор, в узких губах и колющем взгляде заставляло собеседника внутренне застегнуться на все пуговицы и быстренько признаться в содеянном. Непосредственный начальник Вероники, Александр Степанович Егоров, большой знаток женской красоты, глядя на нее, почему-то всегда вспоминал дежурное блюдо своей тревожной юности – минтай в кляре.

Много лет Александр Степанович ел минтай в столовых по четвергам – рыбным дням. Это была тощая, узкая, жесткомясая рыба. Ее унылый хвост всегда подсыхал на сковороде так, что загибался кольцом. Если зажарить в кляре свернутую трубочкой бумажку, она имела бы тот же вкус и запах, то есть не имела бы ни того ни другого. Однако, покинув столовую, едок минтая внезапно начинал ощущать неистребимый рыбный дух и понимал, что сам источает его. Рыбой пахли волосы, плечи, рыбой пахли даже руки, вымытые после еды дегтярным мылом, самым зловонным из всех. Минтай был суров, неотвязен, могуч, неистребим. Таков же был и следственный дар Вероники Юршевой.

– Давайте еще раз уточним список похищенного, – обратилась Вероника к Ольге.

Они сидели на жестком диване в картинной галерее дома Галашина. Разбитое стекло еще не заменили. Дыру в нем заслонили картоном, и из окна безбожно тянуло едким осенним холодком. Ни о каком температурном режиме, подходящем для живописи маслом, говорить не приходилось. Со стены галереи слепыми глазницами глядели две пустые рамы. Из них неизвестный вор вырезал картины.

Вся прочая живопись уцелела. Ольга с отвращением косилась на «Утро в Гурзуфе», у которого в Бельгии имелся двойник. Почему-то «Утро» не прельстило воров. Интересно, по какому принципу они выбирали, что красть?

– Вы утверждаете, что похищенная картина «Дама с гитарой» представляет большую ценность, – начала Вероника. – Сколько примерно дадут за нее скупщики краденого?

– Не знаю, – ответила Ольга. – Я никогда не имела дел со скупщиками. Однако Коровин похожего качества приобретен в мае на «Сотби» за триста пятьдесят тысяч.

– Рублей?

– Если бы! Фунтов стерлингов.

Ольга выглядела спокойной. Она неплохо умела владеть собой, как и всякая женщина в ее годы. Она была очень компетентна. Она часто выступала на научных конференциях, а уж экскурсий в своей жизни провела столько, что гладкие сложносочиненные фразы одна за другой легко, без запинки слетали с ее румяных губ. Так бывал о даже тогда, когда ее мозги были заняты абсолютно посторонними вещами, вроде неоплаченных счетов за телефон или забытого в трамвае зонтика.

Вот и сейчас она просвещала следовательницу с тем же ровным усердием. Однако душа ее металась – то уходила в пятки, то рвалась прочь из груди вместе с прохладным ветерком, который задувал из разбитого окна. События прошлой ночи в галерее Галашина были странны, непонятны, неслучайны. Ольге казалось, что они имеют прямое отношение к ее грехам и к мукам ее совести.

Вероника вгляделась в фотографию «Дамы с гитарой».

– Надо же! – покачала она своей прилизанной головой. – Никогда бы не подумала, что такое может стоить кучу денег. Дама какая-то горбатая, а ноги у нее размера сорок пятого – сорок шестого.

– Ноги как ноги, просто у Коровина широкая манера письма...

Вероника продолжала удивляться:

– А этот Каменев Л.Л., «Старая мельница»? Кориичневая, неприглядная. Что, тоже дорогая вещь?

– Несомненно. Живопись подобного рода в основном приобретают коллекционеры из России. Ажиотаж из-за авангарда теперь снизился, зато передвижники в ходу. Средств наши олигархи не жалеют, вот антиквары и вздувают цену.

Вероника скорбно вздохнула и указала шариковой ручкой на противоположную стену:

– А здесь, где гвоздики торчат, висели, значит, картины этого... Похитонова⁹, правильно? Никогда не слышала про такого художника. Странно, что воры забрали картины вместе с рамами. Рамы были какие-то особенные?

– Нет, хотя довольно старые. А вот картины Похитонова необычные – маленькие очень. Он писал их на дощечках, пользуясь лупой. Отдирать такую мелочь от рамы хлопотно, проще взять все вместе. Вот и взяли. В коллекции было всего два Похитонова – «Роща» и «Снег в Нормандии». Обе вещи украдены.

Наконец и Вероника одобрила живопись:

– Да, красивые штучки. Особенно вот эта зимняя, с лошадкой. Хотя ноги у лошади слишком толстые, вам не кажется? Как у слона.

– Это першерон, особая порода – тяжеловоз.

– Вы серьезно? Вообще-то в живописи я ничего не понимаю, первый раз работаю по такому делу. Знаете, у нас в Нетске картины раньше никогда не крали. Какому дураку они нужны? Даже эти? Зато два других похищенных предмета наводят на размышления. Например, статулька эта, «Вера Фокина в роли египтянки», наверняка сделана из ценных материалов.

Ольга кивнула:

– Можно и так сказать. Это хрисоэлефантинная скульптура, то есть выполнена из бронзы и слоновой кости. Плюс серебро и эмаль, плюс постамент из яшмы. А главное, это Чипарус!¹⁰ Он сейчас у коллекционеров в большой моде.

– Наверное, оттого и взяли – ведь штукавина увесистая, тащить тяжело. Не то что табакерка... Вот табакерка красивая, не спору. К тому же в карман ее сунуть проще простого, и стоит немало. Это ведь из бриллиантов веночек, да?

– Из бриллиантов, – подтвердила Ольга. – Портрет государя Николая Александровича эмалевый – посмотрите, какие краски свежие.

Вероника согласилась: наверное, живьем даже в лучшие свои годы император не был настолько клубнично-розовощек и золотоволос, каким изобразили его на крышке табакерки. Вокруг овального портрета теснились одинаковые ясные камушки, образуя над головой госу-

---

⁹ П о х и т о н о в И.П. (1850–1923) – живописец-передвижник, пейзажист, «русский барбизонец». Многие годы жил во Франции и в Бельгии.

¹⁰ Ч и п а р у с Дмитрий (Деметр) (1888–1950) – популярный скульптор румынского происхождения, работал в мелкой пластике в стиле арт-деко. Вдохновлялся темами русского балета.

даря изящный бантик. Сама табакерка значилась в каталоге серебряной, но была сапфировой синевы.

– Это эмаль по гильоширу, – пояснила Ольга. – Видите волнистый узор по всей поверхности металла? Это особая машинная гравировка, а прозрачная эмаль нанесена уже сверху. Техника называется гильоше.

Вероника проявила редкую сообразительность.

– У моей бабушки на будильнике «Смена» сзади был сделан похожий узор, только из кружочков, – вспомнила она. – И тоже хорошая была вещь, старого качества – сколько бабушка швыряла будильник о стенку, он не ломался и звонить не переставал. А правда, что это табакерка самого царя?

– Не думаю, что Николай Второй нюхал табак из табакерки с собственным портретом – это явно дурной тон. Не знаю даже, нюхал ли он табак вообще, – призналась Ольга. – В его времена это вышло из моды. Но табакерка происходит несомненно из императорского кабинета. Это наградная вещь, дорогая и памятная, работы фирмы Фаберже. Таких табакерок сейчас в мире известно всего пять – их партиями заказывали, чтобы вручать отличившимся при случае.

– Жалко, что стащили табакерку. Красивая! И продать такую вещь ничего не стоит. Вот, думаю, «Египтянку» пристроить будет труднее, а уж через границу везти... Как вы думаете, почему взяли именно эти вещи? Тут ведь и другого полно.

Ольга зябко завернулась в шаль, пожалала плечами:

– Знаете, я тоже все время задаю себе этот вопрос. С одной стороны, чувствуется своеобразный вкус: вещи взяты нерядовые, востребованные на антикварном рынке. С другой стороны, почему выбраны именно эти? Рядом другие не хуже. Коровин популярен, но с тем же успехом можно сбыть вон того Котарбинского¹¹ или Киселева¹². А их не тронули!

– Похоже на чей-то специальный заказ? – встрепелась Вероника.

– Даже не знаю. Украденные вещи были хороши, но уж никак не уникальны.

– А табакерка?

– И табакерка. Правда, наши теперешние коллекционеры-инвесторы гоняются за всем, что связано с семьей Романовых. Вазы, мебель, запонки, шкатулки, безделушки – все нарасхват. Наш Сергей Аркадьевич тоже, как видите, имеет эту слабость. Но если кто-то охотился за романовскими вещами, почему не взят портсигар великого князя Михаила Александровича, младшего брата последнего царя? Вещица посерьезней табакерки. Портсигар господин Галашин довольно легкомысленно держит вон в том бюро розового дерева. Портсигар на месте. Это странно.

Вероника прикусила кончик шариковой ручки. Когда она думала, то всегда грызла ручку или карандаш, иначе мысли не шли или немилосердно путались. Для трудных дел она держала в сумке специальные запасы – перехваченный резинкой пучок дешевых одноразовых ручек и карандаши «Конструктор». Протоколы же она писала наградным «Паркером».

– Почему взяли эти предметы? – повторила она задумчиво. – Может, хватали наобум? Что под руку подвернулось?

– Не похоже. И живопись взята отличная, и статуэтку Чипаруса предпочли вон этому эффектному, но заурядному канделябру. Боюсь, не случайные люди работали.

– А если учесть, насколько дерзко и дотошно было продумано преступление...

Вероника оборвала фразу, где нужно – именно там, где кончались всем известные сведения и начиналась информация, которую посторонним и тем более заинтересованным лицам знать не следует. Никому не стоит говорить, что следствие в полном тупике!

---

¹¹ Котарбинский В.А. (1849–1922) – русский живописец академического направления; позднее примкнул к символизму.

¹² Киселев А.А. (1838–1911) – русский живописец-передвижник. Пейзажист.

Вероника хрустнула кончиком прикушенной ручки. Понятно, что пожар устроен специально: надо было отвлечь прислугу от галереи и заставить вырубить сигнализацию. Негодяй в потемках мог незаметно проскользнуть со двора, когда началась всеобщая суматоха. У него могли быть сообщники в доме. Однако камеры слежения у всех входов и выходов никаких посторонних не зафиксировали.

Итак, вор все-таки влез через окно. Причем влез уже после того, как отключили сигнализацию. Хотя что-то ясно и несомненно! Дверь в галерею так и осталась запертой изнутри, замок взламывать не пытались. Следов на паркете галереи и даже у разбитого окна нет, не говоря уже о коридоре, а ведь, пробираясь сквозь дым и потоп, не наследить нельзя. Суэта с пожаром была этажом ниже, наверх никто не заглядывал до приезда опергруппы. Все тушили огонь и не подозревали, что в это время кто-то орудует в галерее.

Да, спохватились много позже, когда подъехал сам Галашин; родным ключом он отпер дверь и ужаснулся. Зато место преступления не затоптали, не залили, не замусорили. А что толку?

Вероника подошла к окну, стекло в котором уцелело. Пейзаж, видимый сквозь него, сам походил на картину. Под обрывом густо, как всегда осенью, синела холодная Неть. На ее дальнем низком берегу стлался туман. А может, дым? Сквозняк горько отдавал паленой листвой. Или после пожара все в доме насквозь пропахло гарью?

– Почему на окнах галереи нет решеток? – удивилась вдруг Вероника.

– Сергей Аркадьевич был категорически против, – ответила Ольга. – Он считает решетки уделом плебса или бюджетной нищевратии. Нигде в Европе нет решеток. Сигнализация здесь поставлена первоклассная.

– Всякая техника может подвести, а вот хороший кусок железа...

Вероника высунулась в окно, посмотрела вверх и по сторонам. Увиденное нисколько ее не утешило. Нет, с улицы сюда пробраться невозможно!

Особняк Галашина, как и несколько других, столь же внушительных владений, стоял в самом центре города на высоком берегу Нети. Раньше тут, на обрыве, были непролазные заросли ивняка и сирени и стояло несколько дряхлых деревянных домишек. Домишки уцелели в столь лакомом месте, потому что круча всегда считалась опасной и неудобной: здешний берег головокружительно обрывался к реке, а слева и справа шли овраги. Это было идеальное место для средневековой крепости. Или для элитного жилья.

Такое жилье и возвели восемь лет назад. Старые домишки, естественно, исчезли. Снесли их не без скандала: нашлись сумасшедшие энтузиасты, которые объявили эти хибары историческими памятниками. Вопили что-то о неповторимом стиле и о том, что в одном из домишек, в мезонине, семь лет прожил декабрист Соломатин. Галашин и его теперешние соседи только усмехались. Они-то знали, какими бывают стоящие архитектурные памятники – прочными, каменными, солидными. А изб-развалюх в любой деревне пруд пруди!

Энтузиасты писали и писали в разные конторы вплоть до ЮНЕСКО и до того надоели, что однажды ночью спорные домишки взяли да сгорели. Сами собой. Ярче всех пылал дом Соломатина. Теперь на высоком берегу красовались хоромы, обнесенные нарядными заборами. Под обрывом устроили частный пляж и частный причал. Проникнуть в особняки со стороны города, минуя охрану, было нереально, со стороны реки физически невозможно. Правда, между домом Галатиина и соседней виллой уцелели громадные тополя, чуть ли не соломатинские, а дальше, у выезда в город, высилось еще одно дерево, самое старое, красивое и ветвистое.

– С улицы к окну не подобраться, – заметила Ольга, угадывая, над чем ломает голову Вероника. – Внизу обрыв, очень крутой. Ночью шел дождь, глина раскисла – как вверх карабкаться? Стены дома гладкие и скользкие. Тут справились бы разве те французы, что скачут по улицам, – забыла, как их называют. Стрит-джамперы? Паркурщики? Может, вы видели в кино? Мой младший сын в прошлом году пробовал им подражать и сломал лодыжку.

– Откуда у нас французы? Тут нужен скорее Тарзан или Человек-паук...

Вероника сама себя одернула. Человек-паук в Нетске? Вероятнее всего, вор проник во двор обычным путем, через ворота, а когда сигнализацию отключили, по выступам эркера влез на крышу. Иначе нельзя – стены со стороны галереи действительно идеально гладкие, не за что уцепиться. Спустившись с крыши, вор разбил окно и проник в галерею.

И это не годится! Эркер рядом с главным входом, а там никого не видели ни люди, ни бесстрастные камеры. К тому же вор должен был оставить следы на крыше. Но там нашли лишь небольшой скол краски над окном галереи, как если бы по самой кромке черепицы на цыпочках шел лунатик. Или привидение? Не босиком же действовал преступник? Крыша новенькая, следы должны были остаться! Но их нет. А куда вор подался с награбленным? Спрыгнул с обрыва? Перелез через забор к соседям? Но там сигнализацию не отключали, и шум поднялся бы на весь город.

Колпачок грошовой ручки был изгрызен и выплюнут, но ясности мыслей Вероника не обрела. Хорошо, хоть вопросы так и сыплются – если на них толково ответить, что-нибудь да забрезжит. Для этого нужно время. А действовать надо быстро!

Антикварные салоны уже проверены. Их в городе всего четыре, и пока никто не приносил туда ничего из коллекции Галашина. Воры могли затаиться, но, скорее всего, они удрали. И украденное вывезли из области! Приезжие они – никогда в Нетске не водилось таких ловкачей. Описание и фото вещей отправили в Новосибирск и Москву – пусть там ищут. Ох, тухлое дело...

– И почему один Коровин похищен, а другой на месте? – снова удивилась Ольга.

Ей было бы легче, если б исчезли оба. Тогда и бельгийский каталог не страшен!

– Когда мы поймем логику преступника, – глубокомысленно сказала Вероника, – мы его найдем. А логика быть должна, пусть безумная. Только в нашем деле никаким безумием не пахнет. Возьмите этот трюк с пожаром! А если учесть...

Беседу прервал звук приближающихся шагов и говор нескольких голосов. Голоса были мужские. Скоро в галерее показался Галашин со своими сотрапезниками – скрипачом Евгением Ильичом Парвицким и экспертом Козловым. После обеда оба московских гостя выглядели более румяными, чем обычно, и если не оживленными, что было бы бестактно, то заинтересованными.

– Вот они, мои руины, – вздохнул Галашин.

Он указал рукой на пустые рамы и картон в окне.

– Ужас какой, – пробормотал старик Козлов, но уперся взглядом не в картон, а прямо в оставшегося Коровина, в «Утро в Гурзуфе».

У Ольги снова подкосились ноги. Ее кустодиевские щеки сначала побагровели, потом стали бледны, как бумага. Ей очень захотелось схватить проклятый «Гурзуф» и выкинуть в разбитое окошко. Пусть себе плывет по Нети в Карское море! На худой конец надо отвлечь знаменитого эксперта от Коровина.

Ольга нервно откашлялась и подошла к самой дальней стене.

– По-моему, здесь у Сергея Аркадьевича очень неплохой Киселев, – сказала она голосом много тоньше и сквернее собственного. – Кавказский вид, довольно типичный для мастера.

– Да ну его к черту! – фамильярно отмахнулся Козлов. – Ведь это у вас вон там, над бюро, Васильковский?¹³ Глянь-ка, Женя: вот она, правда жизни! Полтава! Отлично видно, что в девятнадцатом веке Украина отнюдь не утопала в садах. Голь да пыль. Прелесть!

Женя осмотрел пыль, изображенную Васильковским. Осмотрел и «Розы» Судейкина¹⁴. Все это ему понравилось. Он так и сказал Галашину. Виктор же Дмитриевич Козлов, очутив-

---

¹³ Васильковский С.И. (1854–1917) – русский живописец-передвижник, пейзажист.

¹⁴ Судейкин С.Ю. (1882–1946) – русский живописец, график, художник театра. Член объединений «Голубая роза»

пшись среди живописных полотен, помолодел еще больше. Его небольшие глазки сияли поверх очков, как самоцветы. По галерее он порхал невесомой походкой с какой-то особой лихой припрыжкой (впрочем, в юности он отлично танцевал и па-де-спань, и бальный краковяк).

Ольга за его передвижениями следила с томительной тревогой. Старый эксперт останавливался у лучших экспонатов и удовлетворенно кричал. У картин поплоче он хмыкал и сморкался, а на Ольгу и ее великолепную грудь внимания совсем не обращал. Бедняжка помнила, что в аэропорту все было иначе. Но теперь она напрасно старалась попасться Козлову на глаза и выпячивала свое сокровище – Виктор Дмитриевич ее не замечал. Это был плохой знак; это говорило о том, что старика нельзя заморочить и подмаслить ничем.

Наконец Виктор Дмитриевич сделал полный круг по галерее и снова уткнулся в «Утро в Гурзуфе». Ольга оцепенела. Козлов заложил руки за спину, посмотрел на полотно поверх очков, потом сквозь очки, отчего глаза его, вдруг ставшие огромными, пугающе блеснули. Наконец он глянул на «Гурзуф» одним левым глазом, повернувшись к картине в профиль.

– Дорогая моя, – сказал он Ольге после долгой паузы, в течение которой вспомнил наконец и ее самое, и ее бюст. – Дорогая! Вот что... Нет! Сергей Аркадьевич! Это у вас не Коровин.

– Не Коровин? – наивно удивился Галашин. – Как же не Коровин, когда подпись стоит! Видите, какая крупная? В углу!

– Подпись есть, а Коровина нет, – ухмыльнулся коварный старик.

Галашин насутился.

– Этого не может быть, – заявил он. – У меня настоящий Коровин, с документами. Если этот фальшивый, значит, его воры подменили.

Ольга решила не сдаваться. Она торопливо залепетала про надежного дилера, про безупречный провенанс, про то, что специалисты Третьяковской галереи без колебаний подтвердили авторство Коровина.

– Какие такие специалисты? Эти хмыри? – фыркнул Козлов.

Ольга знала, что из Третьяковки его попросили после какого-то скандала.

– У меня и сертификат есть, – обиделся на эксперта Галашин. – Все чин чинном.

– И вы считаете, что Коровин, да еще в 1916 году, мог так переборщить с белилами? Как какой-нибудь малокровный мюнхенец?¹⁵ – взвился упрямый старик. – Посмотрите-ка на эти тени! Они же совершенно нецветные! А яблоки! А стекло! Э-эх!

Почва уходила из-под ног несчастной Ольги. Теперь-то она видела на картине и серые тени, и тусклые яблоки, и косой мазок, далекий от коровинской лихости. Где раньше были ее глаза? И что теперь делать?

В старину дамы в подобных ситуациях обычно валились в обморок, но Ольга была женщина крепкая, со здоровыми нервами. Гибнуть (о, что это случится, она и накануне знала!) приходилось в полном сознании, на глазах уважаемых людей. Галашин сделал к ней решительный шаг. От ужаса она едва не закуталась в свою шаль с головой.

Вдруг у банкира в кармане тихо закурлыкал мобильник.

– Простите, жена звонит, – сказал Сергей Аркадьевич, даже не глядя на экранчик телефона.

По мобильному он говорил только с родными, все прочие обращались к нему через секретаря. Так теперь принято у людей его круга.

Сергей Аркадьевич отошел в сторонку, а все остальные остались возле Коровина. Парвицкий снисходительно изучал нецветные тени, Виктор Дмитриевич Козлов переводил взгляд с картины на Ольгину грудь и напевал себе под нос что-то заунывное.

– Это катастрофа! – донеслось из угла, куда удалился Галашин. – Идиотка!

и «Мир искусства». С 1920 года в эмиграции (Франция, США).

¹⁵ В Мюнхенской академии художеств в начале XX века культивировали сдержанный сероватый колорит.

Козлов из деликатности запел громче.

– Ольга Иннокентьевна, можно вас на минутку? – позвал Галашин.

Ольга поплелась к нему на ватных ногах. Никаких катастроф ужаснее той, что минуту назад случилась с ней и Коровиным, она вообразить не могла.

– Тут такое дело... – шепотом начал Галашин и жалобно моргнул. – Не знаю даже, как сказать... Надо, наверное, к этой девице обратиться? Но уж лучше сделайте это вы, у меня сил никаких не осталось.

Под девицей Сергей Аркадьевич подразумевал следователя Юршеву. Вероника, пока московские гости рассматривали картины, невозмутимо сидела в сторонке на диване, перечитывала записи в своем блокноте и грызла карандаш.

– Что случилось, Сергей Аркадьевич? – спросила Ольга.

– Мне только что жена позвонила из Карловых Вар. Утром я сообщил ей о краже в галерее, но советовал не прерывать отдых. И без нее проблем хватает! Она посочувствовала и все такое. Вдруг полчаса назад она вспомнила, что перед отъездом доставала наш кушон¹⁶ – ну, вы его знаете! Любовалась якобы игрой лучей. К чему? Зачем? Потом ей лень было идти в кабинет к сейфу, и она сунула камень в ту самую синюю табакерку. И забыла! И табакерку украли! Что же это за напасть такая!

Теперь у Сергея Аркадьевича глаза были не грустные, а просто стеклянные. Его лицо никогда ничего не выражало, даже когда он улыбался, показывая все зубы, длинные, белые и одинаковые, как набор школьных мелков. Злые языки уверяли, что ему колют ботокс. Но в эту минуту его брови и щеки чуть шевельнулись, и стало ясно, что он скорбит.

Так и было. Банкир был потрясен до глубины души. Еще бы! Кушон великого князя Николая Михайловича был настоящей редкостью. Это вам не какой-то там Коровин!

– Я все сделаю! Не беспокойтесь, Сергей Аркадьевич, – заверила беднягу Ольга тем деликатным шепотом, каким переговариваются на похоронах. – Мы сейчас же расширим список похищенного. Только гостей отсюда лучше увести – все-таки информация сугубо конфиденциальная.

Банкир закивал:

– Да, да, конечно! Я им все уже показал. К тому же Евгений Ильич спешит на репетицию. Несколько скованной походкой, но с прямой спиной он двинулся к своим гостям.

Ольга под села к Веронике.

– Открылись новые обстоятельства, – начала она тихо. – Очень неприятные.

И без того продолговатое лицо Вероники вытянулось еще больше. Она никогда не занималась кражами картин. Она думала раньше, что такое бывает только где-нибудь в Италии или, на худой конец, в Санкт-Петербурге, а еще в детективных фильмах с претензией на интеллектуальность. Но теперь картины украдены в Нетске, надо энергично браться за дело, а как? Об этом Вероника не имела не малейшего представления.

Ольга между тем продолжала шепотом:

– Супруга Сергея Аркадьевича сейчас позвонила из Карловых Вар. Она вспомнила, что позавчера, перед отъездом, по рассеянности положила в ту самую гильошированную табакерку бриллиант весом в 7,6 карата.

– В ту табакерку, что украли?

– Именно. Ранее бриллиант принадлежал великому князю Николаю Михайловичу, известному историку и нумизмату, которого большевики расстреляли в 1918 году в Петропавловской крепости. Так что камень обладает несомненной исторической ценностью. О его стоимости в денежном выражении я даже не говорю.

---

¹⁶ К у ш о н – бриллиант особой огранки, которая требует идеальной чистоты камня; имеет широкие грани и закругленные углы. Известен как «свечной бриллиант», поскольку особенно ярко сверкает при искусственном освещении.

– Час от часу не легче, – ужаснулась Вероника. – Еще и бриллиант! Правда, на скупщиков драгоценностей я оперативные выходы имею...

Ольга почувствовала облегчение, узнав о краже кушона. В свете этой потери сомнительный Коровин выглядел не такой уж бедой. Обычное дело, экспертная ошибка... И хороший урок на будущее. Зато похищение бриллианта Николая Михайловича – это катастрофа.

Что такое настоящая катастрофа, ни Ольга, ни Вероника Юршева в ту минуту еще не подозревали. Обе они сидели на жестком бархатном диване, очень похожем на те, что стоят в Эрмитаже, и устало молчали. Вдруг до них донесся душераздирающий крик.

Кричали в ближнем коридоре, куда только что удалился Галашин со своими гостями. Неужели кто-то из троих поскользнулся на паркете и расшибся?

Ольга осталась на диване (она вообще с трудом теперь шевелилась и почти впала в ступор после перенесенных треволнений). Зато Вероника вскочила легко, как воробей, и побежала на крик, быстро перебирая тонкими ногами в невыразительных коричневых туфлях.

Оказалось, кричал Евгений Ильич Парвицкий. Он не свалился на пол и не ударился о шкаф эбенового дерева, возле которого стоял. Он даже не держался за сердце. Он просто кричал, как раненый зверь, закинув голову и широко разинув рот. Галашин и эксперт Козлов стояли рядом, перепуганные и обескураженные. Они ничего не понимали.

– Жень, Жень, что стряслось? – повторял Козлов, пытаясь заглянуть в глаза друга, которые были страдальчески закрыты.

Какая-то женщина, должно быть, из прислуги, выскочила в коридор. Галашин крикнул ей:

– Воды, живо!

Вероника, бывавшая в разных переделках, подбежала к Парвицкому, схватила его за плечи цепкими тренированными руками и потрясла, как котенка. Даже предположить было нельзя, что в этой худой бледнолицей девушке таится такая сила. Музыкант с мировым именем перестал кричать и наконец открыл глаза. Их взгляд оказался мутным и безумным.

– Что с вами? – строго спросила Вероника.

– Страдивари, – прошептал еле слышно Парвицкий. – Его нет. Его нет!

Кражи скрипок Страдивари то и дело попадают в детективных фильмах. Вероника считала, что этот сюжет (а также похищения картин и скульптур) высосан из пальца. И вот с нею в один день разом случилось все, чего никогда не бывает. Это походило на дурной сон.

Евгений Ильич снова закрыл глаза и собрался закричать, но тут как раз подоспел стакан с водой. Вероника поднесла его ко рту Парвицкого. Скрипач послушно начал пить, подавился и густо забрызгал серый пиджак Вероники. Ведомый под руки, он смог добраться до эрмитажного дивана.

Пока скрипача вели, Козлов успел нашептать Веронике на ухо, что Евгений Ильич никогда не расстается со своим инструментом, Страдивари 1714 года, поскольку боится кражи. И вот теперь Страдивари исчез! Во всяком случае, поблизости его нигде не видно.

– Понятно, – сказала Вероника, усаживаясь рядом с Парвицким.

Она достала из кармана носовой платок, мужской, в синюю клетку, и вытерла им мокрый пиджак. Пользы от этого не было никакой, зато Вероника успела собраться с мыслями. Она повернулась к Парвицкому и тем же строгим голосом сказала:

– Постарайтесь успокоиться. Не надо так нервничать. Сосредоточьтесь и вспомните, когда и где вы видели свой инструмент последний раз.

Глава 3

1

К полудню от вчерашних туч не осталось и следа. Асфальт сиял голубизной отраженных небес. Деревья успели основательно пожелтеть за последнюю неделю и стали неправдоподобно разноцветными. Воздух пах горько и вкусно. Только ранней осенью бывают такие хорошие дни, и немного их случается, иногда всего один или два. Поэтому Настя решила не упускать случая и сделала то, что давно собиралась, – написала дерево, росшее напротив музея, и длинную синюю тень этого дерева. Тень, переломившись под прямым углом о стену ближайшего дома, из синей становилась огненно-лиловой, поскольку дом был кирпичным.

Как и большинство современных художников, Настя не делала культа из натуры. Но иногда попадалось ей нечто такое, чего выдумать нельзя, и оставалось только написать как есть. Это желтое дерево с синей тенью давно ей приглянулось, и вот сегодня этюд был готов и удался. Настя прислонила его к стене в мастерской Самоварова. Сидя напротив, на громадном полуампирном диване, она придирчиво оценивала свою работу – сначала отворачивалась, потом снова смотрела во все глаза.

Самоваров всегда восхищался живописью своей красавицы жены. Дерево, которое по утрам отбрасывало длинную тень, было известно ему много лет, но лишь сегодня он понял, какое это чудо. Он собирался сказать об этом Насте, но пока было нельзя: на том же диване, только в другом его углу, сидела Вера Герасимовна и жаловалась на судьбу. Вернее, на козни и интриги, которые свили гнездо в музейном гардеробе.

– Я, Коля, давно собиралась открыть тебе глаза на то, что вытворяет Ренге. Он подсиживает меня. Спит и видит выжить меня вон и притащить на мое место своего друга-держиморду. А ведь я двадцать лет отдала искусству!

Это была сущая правда, хотя Вера Герасимовна несколько округлила дату в свою пользу. Закончив карьеру машинистки в горисполкоме и выйдя на пенсию, она заступила на вахту у музейной вешалки. Именно она сосватала на работу в музей своего соседа Самоварова. Было это пятнадцать лет назад. Самоваров, юный опер, после тяжелого ранения не стал тогда возвращаться в милицию (ему предлагали унылое место в архиве). Будущее представлялось ему невнятным и тоскливым.

Вера Герасимовна так не считала.

– Ты просто обязан влиться в наш коллектив, – говорила она. – Музею срочно требуется реставратор мебели. Горлов наш совсем спился и сбежал в какую-то жилконтору. Я уже рекомендовала тебя. Коля, не упрячься, ты справишься. Вспомни, как ты починил табуретку Ермаковым!

Самоваров пробовал разъяснить Вере Герасимовне разницу между стандартной табуреткой и музейными раритетами.

– Вздор! – отрезала Вера Герасимовна. – Мебель есть мебель. Не позорь меня: я обещала руководству, что завтра же ты приступишь к работе.

– Но у меня нет специального образования!

– А школа милиции? Это наших дам очень впечатлило. Нечего дома сиднем сидеть – сходи хоть глянь, как у нас хорошо.

Самоваров сходил и согласился: хорошо. Все-таки бывший генерал-губернаторский дворец! Чугунная лестница, картины, паркетный простор, сладкая тишина... Даже в мастерской спившегося Горлова, которая завалена была бычками, засохшими кистями, ломаной фанерой

и прочим мусором, было хорошо. В полукруглые окна лился закат, виден был музейный двор, тихая улица и много неба. И стены толстейшие, как в средневековой фортеции.

Самоваров вымел из мастерской бычки, сотнями валявшиеся во всех углах, сдал пустые бутылки, вымыл пол и окна – и остался. И с мебелью у него тоже все получилось. Теперь он был в городе известен как незаменимый мастер, а еще как страстный коллекционер самоваров. Первый самовар подарили ему музейщики в шутку, а он стал всерьез собирать всякие старинные штуки для чаепития. И чай он умел заваривать, как никто.

Вот и сейчас на его столе стояли дежурные чашки с золотыми ободками. Над ними курился тонкий парок, малиновым янтарем отсвечивал чай, а из допотопной жестяной коробки выглядывало свежее печенье.

– В Косом гастрономе печенье брал, Коля? – одобрила угощение Вера Герасимовна. – Это правильно. А вот Ренге ты напрасно считаешь безобидным. Это настоящая ехидна.

Михаил Гунарович Ренге работал в гардеробе в очередь с Верой Герасимовной. Это был дебелий краснолицый отставник, очень бравый, с шикарной военной выправкой, так что истинный его пенсионный возраст читался разве что в небольших тусклых глазках. Ренге часто подменял Веру Герасимовну сверх графика: ее муж отличался слабым здоровьем и нуждался в трудоемких лечебных процедурах, с какими в одиночку не справиться. Среди дня Вера Герасимовна то и дело срывалась домой, чтобы сделать супругу тонизирующее обвертывание или какой-то мягкий тюбаж.

В таких случаях Ренге заступал к вешалке безотказно. Дома он скучал, а в музее чувствовал себя значительной персоной. Он проворно выдавал номерки, громовым голосом приструнял школьников, которые были головной болью экскурсоводов, и обожал с кем-нибудь посудачить, что не очень вязалось с его нордическими корнями.

Казалось бы, Вера Герасимовна должна ценить поддержку Ренге. Однако она вбила себе в голову, что Михаил Гунарович нарочно притворяется молодцом, чтобы порисоваться на ее фоне и внушить руководству, что он незаменим, а Веру Герасимовну пора отправить на свалку истории. Якобы на ее место он уже подобрал своего друга, некоего Бородулина, тоже отставника и тоже с красным лицом. Теперь коварный напарник только ждет случая, чтобы окончательно вытеснить Веру Герасимовну из гардероба.

– Ложная тревога, – успокаивал старушку Самоваров. – Вас в музее все так любят!

Она вздохнула:

– Любят-то любят, а возьмут и проводят под белы руки. Ренге законченный интриган. Ты, Коля, поговорил бы насчет меня с Ольгой Иннокентьевной. Я знаю, она с тобой очень считается. Третьего дня я шла к тебе с этой своей бедой, а вы заперлись тут и что-то горячо обсуждали. Видно было, она дорожит твоим мнением. Что, у нее проблемы?

Вера Герасимовна надеялась, что Коля ей эти проблемы выложит, но тот лишь рассеянно улыбнулся. Через минуту разговор и вовсе изменил направление: в мастерскую ворвался Никита Леонидович Климентов.

– Вы знаете новости о Галашине? – спросил он, возбужденно потирая руки.

Сегодня Никита Леонидович надел терракотового цвета сюртук и закутал тщедушную шею лиловой тафтой. Азартный блеск глаз пробивался даже сквозь яично-желтое стекло его очков.

– О Галашине? Знаем. Пожар у него был, – ответила Настя.

– Если бы только это! Его коллекцию разграбили.

Настя засмеялась:

– Вы так радуетесь, будто сами украли. Откуда у вас сведения?

– Из очень компетентных источников, раскрывать которые я не вправе. Но это точно!

Словам Климентова вполне можно было верить: он всегда все знал. Когда Ася Вердеревская уехала с женихом в Австрию, из Перми на ее место пригласили Климентова. Он возглавил отдел декоративно-прикладного искусства. Самоваров теперь состоял под его началом.

Никита Леонидович оказался энергичным работником. Правда, его занимали в основном коммерческие проекты. Он открыл при музее антикварный салон, потом еще два собственных в городе. Эти заведения торговали всякой домодельной ерундой, но приносили доход. Климентов частенько и Самоварову подбрасывал халтурку, поэтому Настя и Самоваров между собой Климентова звали Клиентовым.

– Не удивляйтесь, Настенька, что во время пожара исчезло все ценное, – заметила Вера Герасимовна. – Как только дом загорается, сейчас же отовсюду сбегаются бомжи и ханыги, и начинается вакханалия.

– Не думаю, что к дому Галашина подпустили ханыг, – заявил Климентов и без церемоний уселся на полуампирный диван между Настей и Верой Герасимовной.

– Я, Николай Алексеевич, плесну чайку? – спросил он и, не дожидаясь ответа, вылил себе в чистую чашку всю заварку.

Самоваров все-таки радушно его ободрил:

– Пейте на здоровье, не стесняйтесь! Вы в курсе, что именно украли у Галашина?

– Отчего же не в курсе? Умыкнули-таки статуэтку Чипаруса. Я умолял продать ее музею, а этот дундук не соглашался. Теперь пусть кусает локти! Еще табакерку стащили романовскую, ту самую, гильоше. Ну, и по мелочи...

– Мелочи-то какие?

– Деталей не знаю. Да, – спохватился Никита Леонидович и даже чашку отставил, – еще ведь картины украли. Две вырезали из рам, а Похитонова так и взяли вместе с рамами. Ограбление века!

– Две картины? Это которые? – спросил Самоваров, притворяясь равнодушным.

– Коровина и Каменева. У вора губа не дура.

Настя собралась удивленно ахнуть, но передумала: от последнего сообщения у ее мужа так изменилось лицо, что он сам на себя стал не похож.

Странная гримаса Самоварова объяснялась просто. Час назад ему позвонила Ольга Тюменцева. Нервным, срывающимся голосом она принялась благодарить. Сначала Самоваров слушал ее похвалы спокойно – он решил, что Ольга в восторге от деревянных прялок, которые он реставрировал для последней выставки. Однако скоро он насторожился.

– Я всегда знала, что ты не такой, как нынешние хлюпики, – говорила Ольга. – Ты настоящий, ты способен на поступок. Я, честно говоря, даже от тебя такого не ожидала. Ведь ты отчаянно рисковал! Ты Мужчина с большой буквы.

Самоваров никак не думал, что поновление прялок требует от Мужчины с большой буквы особого риска. Может, у Ольги крыша поехала от недавних волнений?

– Оля, ты о чем? – спросил он осторожно.

– Ладно, ладно, конспиратор!

Ольга залилась неестественным смехом и повесила трубку.

Только сейчас Самоваров понял, что означал этот звонок. Ольга вообразила, что Самоваров ради нее влез в особняк Галашина, устроил пожар и, воспользовавшись дымовой завесой, вынес сомнительные картины. Правда, вынес почему-то не три, а две, зато прихватил Похитонова, статуэтку Чипаруса и какую-то табакерку в придачу. Глупее ничего и придумать нельзя!

– Из-за чего начался пожар? – спросила Вера Герасимовна. – Наверное, чайник забыли выключить и сделалось короткое замыкание, как у нас в соседнем подъезде?

– Не исключается поджог, – важно заметил Климентов. – Все явно затеяно ради ограбления.

– А жертвы есть?

– Кажется, нет. Но моя информация строго конфиденциальна и фрагментарна, так что гарантий дать не могу.

Самоваров не слушал больше болтовню Климентова. Он был сбит с толку. Сомнительные картины похитили как раз накануне приезда эксперта из Москвы. Это могло быть случайностью, но разве бывают такие совпадения?

Странное происшествие! Самоваров задумался. То, что Ольга приписала ему этот подвиг, говорило, что сама она картин не крала. Тогда кто связанный с Ольгой мог спасти ее репутацию таким диким образом? Преданный муж? Этот крепкий, закаленный в экспедициях молчун вполне справился бы с похищением физически и жене не сказал бы ни слова. Он такой! Но все же минералог Тюменцев далеко не дурак. Во всяком случае, он не позарился бы на табакерку. Да и Похитонова зачем брать? Похитонов-то подлинный!

А может, поработали Ольгины сыновья, двухметровые красавцы и атлеты? Евстигней, кажется, сейчас на сборах в Турции (он играет в гандбол), а вот Поликарп... Поликарп парень безбашенный. Но и ему Похитонов с Чипарусом ни к чему.

Гадать на кофейной гуще было бессмысленно. Самоваров боялся лишь одного: как бы Ольга с кем-нибудь не поделилась своими восторгами насчет Мужчины с большой буквы. Тогда хлопот не оберешься!

2

К полудню Варя так устала от ожидания, что на нее волнами стала накатывать сонная одурь. Тогда начинала кружиться голова. Варя проваливалась в мутный туман, и в тумане этом бродили разрозненные тени и звуки. Свистел там ветер, капало на кухне из крана, смуглая женщина теребила гитарные струны, но звука не было.

– Надо выпить кофе и прийти в себя, – решила Варя.

Кофе был скверный, растворимый, в гранулах, которые походили на крупинки столярного клея. Такой клей, страшно вонючий, когда-то варил дед. Вот дед приклеивает фанеру, потому что та отстала от крышки буфета – разлили компот. «Держи, Варюха, чтобы присохло», – приказывает дед, и Варя прижимает фанеру тонкими пальчиками. Дед отправляется за книжками, чтобы положить их вместо пресса и отпустить Варю. Книжки у него водились как раз такие, как надо, толстые, тяжелые, – «О вкусной и здоровой пище», «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Сотворение мира» Виталия Закруткина. «Мармеладу дам тебе, коза, за работу», – смеется дед и угощает Варю. А она никогда не любила ни мармелада, ни халвы, ни вафель. Она любила шоколадки с начинкой.

«Какие шоколадки? Какой Закруткин? Откуда дед? Дед давно умер», – сказала себе Варя.

Она встряхнула головой, чтобы отвязаться от сновидений и снова найти рядом с собой стол, чашку, окно. Нужно сосредоточиться – слишком многое еще предстоит и сегодня, и завтра. Раскисать нельзя! Если удалось пережить сегодняшнюю ночь, то остальное тоже получится.

Да, не все вышло так, как они задумали. Но разве не сидела она вчера у окна, не смотрела в темноту и не думала, что все сорвалось, пошло прахом? А вдруг они наделали непростительных ошибок? И что она, Варя, будет делать, если вдруг Артем не придет?

Он все-таки явился, уже в четвертом часу. На улице в предутренних потемках лил дождь. Артем был холодный, мокрый. От него пахло осенью. Варя чмокнула его в щеку, и та оказалась колючей, ледяной, чужой – будто неживой.

Артем сказал:

– Фигня какая-то! Не знаю, из-за чего? Сперва все шло как по маслу – машинка работала. Дым валил как сумасшедший! Я с тополя на крышу, надел бахилы, разбил стекло, все взял. И тем же путем назад.

– А что не так?

– Да менты мигом зашевелились. Сигнализация сработала раньше, чем надо, что ли? Вроде не должна была... Не знаю даже, откуда столько ментов набежало. Оцепили бульвар и никого не выпускали. Правда, дождь шел, народу почти не было – так, им парочка одна попала, двое с собаками да какой-то идиот, который пробежку делал. А машины останавливали и собирали на стоянке за драмтеатром.

– Где был ты?

Артем криво усмехнулся:

– Что мне делать оставалось, котенок, с моей поклажей? Нырнул в кусты над обрывом.

– На Семашко?

– Ну да. Там тьма-тьмущая, мусор, все бомжами загажено. Вот в дерьмо где-то наступил... В общем, под одним кустом свои снасти сбросил, а под другим то, что взял.

Варя потянулась к сумке, которую принес Артем. Он замахал руками:

– погоди, потом! Сумка непромокаемая, там все в порядке. Слушай! Я сумку в кустах на Семашко спрятал, вылез и налегке по бульвару пошел.

– Зачем? Сидел бы в кустах.

– Вдруг стали бы шарить и на обрыве? А тут вот он я с добычей и инструментами. Нет, я пошел налегке по бульвару, вернее, двинул трусцой. Эту идею мне кретин подсказал, что на пробежку вышел. В такую-то погоду! Ну, я тоже побежал. А что? Одет я подходяще.

На Артеме был спортивный костюм, неприметная куртка, черная бейсбольная шапочка. Настоящий спортсмен-любитель, только глаза усталые, злые.

– И что дальше? – спросила Варя.

– Бегу. Менты останавливают. Я, не будь дурак, Юркой Скурлатовым назвался, адрес придумал, вернее, переделал из Юркиного – он ведь там неподалеку живет. Правда, номер его квартиры забыл, что-то наврал. Спрашивают документы. Я говорю: «Какие документы? Больной я, что ли, на пробежку документы брать?» Они говорят: «Если бегун, что в кустах делал?» Я говорю: «Вы уж извините, отлить надо было. Не посреди же бульвара в центре города нужду справлять». Вроде согласились, что-то записали, отпустили.

Варя нахмурилась:

– Это плохо. Тебя могли запомнить!

– Сам понимаю, но другого выхода не было. Бежал я вполне убедительно, бодрячком, руки пустые – менты у нас тупые, поверили. Зато потом я полночи под дождем слонялся, ждал, когда оцепление снимут. Зайти погреться некуда – подъезды все с домофонами, жильцы спят. Можно было в круглосуточный супермаркет сунуться, но там кругом камеры. На видео светиться мне ни к чему.

– А позвонить трудно было? Я тут извелась вся.

– Пока дело не сделано, лучше не трепаться. Мало ли что! Может, менты весь район прослушивали?

Варя засмеялась:

– Ну и фантазия у тебя! Разве так бывает?

– А то! Через телефонные компании... Ночью звонков мало, так что нужный словить ничего не стоит. Дело-то на миллион! Вот я и ходил по Семашко кругами, мокрый, как цуцик.

– Зашел бы сюда погреться. Впрочем, нет, ты правильно сделал: следил за местом, где спрятаны вещи. Погодка собачья, но вдруг влез бы кто-то туда? Те же бомжи.

Она снова сделала шаг к заветной сумке, и снова Артем ее остановил.

– погоди! Ты ужас какая умная, ты все правильно понимаешь, – сказал он. – И знай, я все время честно торчал поблизости, никуда не отлучался. Темно, конечно, было, только зрение у меня единица, и клянусь, никто к обрыву не подходил. Оцепление сняли только полчаса назад. Я чуть выждал, рванул в кусты и пополз за вещами. Рюкзак свой сразу нашел, потом эту сумку... Тут-то и началась хрень.

Черные Варины глаза стали большими, как у куклы. Она вообще очень походила на куклу в этом своем розовом халатике. Но сейчас было видно, что кукла испугалась. Варя даже сказать ничего не смогла. Такого никогда еще с нею не бывало.

Артему пришлось закончить:

– Беру сумку, а она легкая. Совсем легкая. Но статуэтка-то весила будь здоров! Включаю фонарик, смотрю, а там только это.

Он открыл сумку и вытащил два небольших рулона старого рыжевато-го холста. Варя взяла один, отодрала скотч, развернула – на изнанке были изображены коричневые деревья и какой-то непонятный дом. То, что нужно – Лев Каменев, «Старая мельница». Другой рулон содержал портрет дамы с гитарой и с большими ногами.

– Это все? – спросила Варя обиженно. – А картины скатал почему неправильно? Я же говорила, надо краской наружу, чтоб не трескалось. Эх ты! Врешь, наверное, что потерял остальное?

Артем кинулся к ней:

– Клянусь, котенок, я взял все, что ты сказала, – и маленькие картинки в рамках, и статуэтку. Даже коробочку одну со стола прихватил, вроде как бонус тебе. Очень уж красивая была, синенькая такая, с камушками.

– Куда же все подевалось?

– Не знаю! Чертовщина какая-то. Никого рядом не было. Ни-ко-го.

– Но кто-то взял наши вещи. Кто? Невидимка? И почему взял не все? Почему оставил эти две картины?

– Котенок, я там в кустах все вдоль и поперек этими вот руками обшарил! Еще раз в то же дерьмо влез – до сих пор от вони отвязаться не могу. И ничего! Как сквозь землю... Только не надо плакать!

Но Варя ничего не могла с собой сделать. Слезы полились сами – горячие, почти несоленые, зато нескончаемые. Она и не подозревала, что умеет так плакать. Всегда, когда было плохо, она только молчала и сжимала губы – даже когда была совсем маленькой. Но не сейчас, после длинной бессонной ночи, после пытки надеждами и абсолютно беспроигрышными планами.

– Котенок, котенок, – бормотал Артем и сам был готов разрыдаться.

Он прижал ее к себе и не отпускал. Он размазывал губами и глотал ее теплые слезы, и сама она, горячая, нежная, несчастная, полуголая, обвивалась вокруг него, толкалась, прятала лицо в сырую кожу его куртки, царапала и сжимала эту кожу своими тонкими пальчиками, так что в конце концов неуместное, ослепляющее желание сразило их обоих. Целуясь в кровь, натываясь на мебель, они ползком добрались до спальни (впрочем, это была единственная их комната). Они впились друг в друга так, будто завтра уже умирать, будто никогда ничего больше не будет.

Варя встала, когда начало светать. Она долго стояла под душем, потом заплела косу и вернулась в комнату. Артем спал. Пока Вари не было, он раскинулся на всю тахту по диагонали. Черный дракончик весело змеился у него на бедре.

Варя криво улыбнулась: Артем в первый раз никуда не ушел ночью. Он теперь весь с ней. Значит, надо действовать!

Ждать Варя не любила и растолкала Артема бесперемонно.

– Делать нечего, – сказала она, глядя в его сонные беспечные глаза. – Будем сбывать то, что есть. За две картины можно выручить тысяч двести. Это какие-никакие деньги. Потом видно будет! Сделаем, как и собирались: улетим дневным рейсом, пойдем в Москве к этому Геворкову и так далее.

Артем потянулся к Варе:

– Котенок! Иди ко мне!

– Потом, – отмахнулась она. – Ты даже представить не можешь, как хорошо нам будет потом.

– Ладно. Но готовься: когда все кончится, я до смерти тебя затрахую, – весело пообещал Артем.

Он тоже стал спокойным и деловитым. Умылся, выпил апельсинового сока из пакета и заел его черствой баранкой (потолок Вариных кулинарных возможностей). Затем он оделся в куртку, еще сырую после ночного дождя, и пошел к двери.

– Ты куда? – спросила Варя.

– Я скоро буду, – ответил он. – Надо же вещички собрать. Надеюсь, и денег прихвачу – нам нужны наличные на ближайшие дни. Так что жди.

Ждать! Это было как раз то, чего Варя терпеть не могла. Снова ждать! После кошмарной ночи, которую она провела, потушив свет и неотрывно глядя в окно! Когда качались внизу, во дворе, черные деревья, ветер сипло посвистывал, фонари отражались в мокром асфальте и дождевая вода прерывисто и криво текла по холодному стеклу...

3

Хотя Парвицкий подробно описал и саму скрипку Страдивари 1714 года, и футляр, в котором она покоилась (обычно в руках или у колена маэстро), Веронике до сих пор хотелось думать, что она видит скверный сон. Диким, неправдоподобным тут было все – и то, что скрипки Страдивари существуют на самом деле, и то, что одну из них украли в Нетске, и то, что рядом с нею, скромным следователем, сидит на диване великий человек.

Человек этот выглядел точно так же, как на громадных афишах, расклеенных по всему городу. Только оказался он нормальных размеров, среднего роста. От него пахло коньяком, и был он совершенно несчастен.

– Итак, последний раз вы держали в руках свою скрипку в ресторане «Адмирал», – сказала Вероника. – Но была ли скрипка с вами в машине по дороге сюда, вы не помните.

– Именно, – вздохнул Парвицкий.

Вероника продолжила, глядя в блокнот:

– Свидетели Галашин и Козлов также не могут определенно утверждать, что вы садились в автомобиль со скрипкой. Охрана посторонних с футляром не видела. Свидетельница Тюменцева уверена, что здесь, в картинной галерее, вы появились уже с пустыми руками. Я позвоню сейчас в Следственный комитет, вы поедете туда и напишете заявление. Будет назначен специалист, который займется вашим делом. Я передам ему собранные мною сведения.

Слова Вероники звучали сухо и казенно, но под их трескучей оболочкой клубился океан абсурда. Великий скрипач Парвицкий, лишившийся своего Страдивари, и миллиардер Галашин, у которого украли кучу произведений искусства и бесценный бриллиант, должны были теперь надеяться только на эту провинциальную девчонку с большим портфелем и мосластыми коленками. Надежды казались призрачными. Судя по серому пиджаку Вероники, ее пристальному птичьему взгляду и косому пробору, она ничего не смыслит в искусстве. Каким образом она найдет все эти сокровища?

Первым осознал серьезность ситуации бывалый Виктор Дмитриевич Козлов.

– Минуточку! – вскричал он. – Какие сведения и куда вы передадите? Когда этого ждать? После дождика в четверг? Откуда у вас тут возьмется специалист – с Луны упадет, что ли? Женьке репетировать через полчаса, в шесть тридцать концерт. Вы, барышня, хоть осознаете это?

Длинное лицо Вероники вытянулось еще больше, но ответила она твердо:

– Я действую в соответствии с законом. Лично я занимаюсь кражей у господина Галашина.

– Это само собой. Но как вы не поймете, что всем нам надо срочно вернуться в ресторан? И начать поиски скрипки оттуда, не теряя ни минуты! Идти по горячим следам! Ваши версии – где они? Почему вы не интересуетесь, например, куда подевался тот молодой человек с румянцем во всю щеку, что был вместе с нами на ланче? Потом он странным образом исчез.

– Он не исчез. Это мой пресс-секретарь, – подал голос банкир Галашин. – Я сам послал его в офис принять сообщение из Красной Поляны. Тогда десерт еще не принесли. В это время – я отлично помню! – футляр был на месте. Я видел, как господин Парвицкий его щупал.

– Ну хорошо! Возьмем тогда официанта, – не унимался Козлов. – Думаю, все заметили, что у него физиономия проходимца, сладкая такая. Губки бантиком, родинка сбоку, как у Мэрилин Монро.

– Это еще не повод подозревать человека, – заметила Вероника. – Давайте прекратим любительский сыск. Если Сергей Аркадьевич не возражает, мы в самом деле можем сделать паузу и съездить в ресторан. Посмотрим на обстановку, пока не подъедет следователь по делу о Страдивари.

– Я не против, – согласился Галашин, но глаза у него сделались еще грустнее.

Через пятнадцать минут вся компания была уже в «Адмирале». Чтобы не создавать ажиотажа, о Страдивари персоналу решили пока ничего не говорить.

Первым делом Вероника осмотрела стол, за которым трапезничали гости Галашина. Стол оказался неинтересным, убраным после ланча, застланным свежей скатертью. Место Парвицкого было укромное, у стены. Футляр, как выяснилось, он держал на полу между ног, так что официант, несмотря на все свои родинки, никак не смог бы туда пролезть. Даже туалет скрипач посещал на пару с Козловым, который держал футляр, когда этого не мог делать его знаменитый друг – и наоборот. Расследование зашло в тупик.

– Собаку служебную вызывайте, – потребовал Козлов. – Срочно!

Вероника удивилась:

– Что, по-вашему, она тут унюхать может? Ведь надо дать ей образец запаха. Чем пахнет Страдивари?

Козлов уничижительно посмотрел на нее поверх очков, но ответить не смог. Вероника открыла было рот, чтобы снова напомнить о том, что по этому делу она не работает, как вдруг из служебной двери (оттуда все время выглядывали и снова прятались ресторанные служащие) выплыла полная женщина лет сорока.

– Чего это вы под стол заглядываете? – спросила она недовольно. – Из санэпидстанции, что ли? Уборку я уже провела, нигде ни пылинки. По этому полу не то что ходить – его лизать можно.

Гости растерянно переглянулись. Зато Вероника как профессионал сразу взялась за дело.

– Вы, когда убирали, не находили здесь какой-нибудь ценной вещи? – быстро спросила она.

Уборщица струхнула:

– Господи! Никак обронули что-то? Ты, что ли, сама потеряла? А что? Колечко или сережку? У тебя, смотрю, уши не проколоты – значит, колечко. Или часы? Сейчас часики бывают – стоят, как хороший мотоцикл. Но ничего такого я тут не видала. Нашла бы, сразу Борису Михайловичу отнесла, администратору. Случалось, я находила сережки, портмоне – все вернули людям. Но сегодня ничего не было. Или вы вчера вечером сидели?

Парвицкий, загоревшийся было надеждой, сник. Поутих даже неугомонный Козлов.

– А если это не мелочь, не драгоценность? – продолжала гнуть свое Вероника. – Если это был предмет средних размеров, выполненный из натуральной кожи...

– Чемоданчик, что ли? – догадалась уборщица.

Вероника кивнула. Парвицкий, который выглядывал из-за ее спины, мелко задрожал.

– Черный? – уточнила уборщица.

– Черный, Евгений Ильич? – переспросила Вероника у Парвицкого.

– Черный, черный, – залепетал тот осипшим голосом.

Уборщица прищурилась:

– С небольшой такой ручкой, с приятной?

– С приятной! О!

Парвицкий почти рыдал. Уборщица посмотрела на него с опаской и обратилась к понятной и спокойной Веронике:

– У меня ваш чемоданчик, в подсобке. Убирала здесь, смотрю – стоит. Я не галушка какая-нибудь темная, знаю, что в таких чемоданчиках дудки носят. Я решила, наши лабухи его забыли. Вчера свадьба тут была, так они, говорят, к ночи перепились в дым. У Сашки Шелудченко очень похожий чемоданчик, только облезлый страшно. Думала, он себе новый купил.

– Пойдемте покажете, – строго распорядилась Вероника.

Так бесценный инструмент был возвращен великому музыканту.

Глава 4

1

Когда Вероника вернулась в дом Галашина, Ольга все еще была там. Закутавшись в свою черную шаль, она сидела в тишине галереи и хоть немного успокоилась, но по-прежнему ничего не понимала. Утром, едва узнав о краже, она решила, что это дело рук благородного Самоварова, и даже позвонила ему, чтобы сказать спасибо. В ответ Самоваров крайне удивился.

Похоже, он не притворялся. Да и не мог Самоваров, известный тонким вкусом, не опознать вторую картину псевдо-Коровина. Висела она рядом с первой, а вместо этого вор загрузился Похитоновым. Пропажа статуэтки Чипаруса вообще необъяснима. Конечно, Самоваров коллекционер; у этой братии случаются затмения совести и здравого смысла, особенно когда они видят то, о чем давно грезили. Но Коля собирает самовары и чайные принадлежности. Зачем ему Чипарус? Орехи колоть?

– Жуткое утро! – пожаловалась Вероника, вернувшись из «Адмирала». – Голова идет кругом. Вы, Ольга Иннокентьевна, подпишите свои показания и можете быть свободны. А у меня еще работы невпроворот – свидетели ждут.

Свидетелей ночью опросили только черне, и они на кухне дожидались подробного дознания под протокол. Их было четверо.

Вероника начала с горничной Надежды Матвеевой, бойкой, длинноногой и разговорчивой. Надежда охотно рассказала, как бухнуло вчера вечером внизу, в кладовке. Горничная еще не спала. Она выскочила из постели, оделась и побежала на борьбу с огнем. Что огонь был, Надежда не сомневалась, потому как дым по коридору валил клубами. Он вонял паленой шерстью. Надежда сообразила: это занялся персидский ковер в холле. Она бросилась в ближайшую ванную, чтобы набрать воды и залить ценную вещь. Осталось только взять ведро.

Как назло, взрыв произошел именно в той кладовке, где уборщица хранила ведра и прочий инвентарь. Идти туда было страшно. Находчивая горничная не растерялась. Она вытащила из кашпо горшок с филодендроном и решила таскать воду в кашпо.

Дальше произошла совсем уж странная вещь: Надежда включила в ванной холодную воду, и кран тут же сорвало. Вода мощной струей обрушилась в раковину и на пол, хлынула в коридор и в холл, так что скоро одна половина персидского ковра могла сгореть, а вторая непорочно размокнуть. Босая и перепуганная Надежда спасала ковер вплоть до приезда пожарных.

Гувернантка Анджелины Галашиной (девочка была сейчас за городом с няней) оказалась не такой словоохотливой. Елена Владимировна Лазуткина, бывшая учительница обществознания, сорока двух лет, больше жаловалась на нервное потрясение и головную боль. Взрыв она слышала и даже запомнила его точное время, 23.50, но к месту происшествия не спешила, поскольку впала в ступор («я не могла даже моргать»). Затем она пошла будить свою подопечную.

Одев девочку, Лазуткина спустилась с ней во двор по боковой лестнице и позвонила на мобильник охраннику Павлу Савельеву. Тот был на пожаре. Савельев иногда выполнял у Галашиных обязанности шофера. По зову Елены Владимировны он вывел из гаража машину хозяйки и отвез девочку и ее бонну в загородный дом.

Никаких странных или примечательных деталей ночного происшествия Лазуткина не помнила. Однако она слышала, как горничная Матвеева и второй охранник, Иван Куринец, громко ругались в холле.

Куринец показания Лазуткиной подтвердил. Да, он собачился с Надеждой. Та запрещала ему поливать пол в холле из огнетушителя – в пене, мол, содержится какая-то жуткая кислота, и потому не только ковер испортится, но и паркет под ковром облезет. Куринец доказывал, что сейчас главное локализовать очаг возгорания, а не прыскать потихоньку из ночного горшка. Это же курам на смех!

И Матвеева, и Савельев, и Куринец, и Лазуткина показали, что пожарная сигнализация сработала четко и сразу, но они (а именно Савельев по общему решению) скоро ее отключили. Ведь сигнал уже поступил в пожарную часть, и дикие завывания сирены были бессмысленны. И без них голова у каждого раскалывалась и руки дрожали. Пожарные и милиция должны были вот-вот подъехать.

Они и подъехали. Со времени взрыва прошло не более десяти минут. За это время коллекция Галашина была разграблена.

Вероника слушала внимательно. При этом она вгрызалась в податливую древесину карандаша «Конструктор». Карандаш едва ощутимо пах то ли лесом, то ли школьными партами. Это успокаивало.

Сумбурная ночь в доме Галашина в воображении Вероники распалась на яркие неподвижные картинки, как в комиксе. Вот глупая горничная по щиколотку в воде заливает паркет из огромного керамического кашпо. Вот полусонная девочка (Вероника ее не видела, но знала, что Анджелине восемь лет) бежит, спотыкаясь, вниз по лестнице – ее тащит за руку гувернантка, которая от страха не может моргать; сегодня у Лазуткиной аккуратная прическа-ракушка, а вчера она наверняка была растрепанной, как ведьма. Вот широкоплечий красавец Куринец хватается огнетушитель. Море белой пены, похожей на снег, поглощает черный дым. Вода из сорванного крана заливает пол, и тяжело всплывает огромный персидский ковер...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.